

Владимир Рунов

ДОМ

хрустальный
на горе...

Владимир Рунов

Дом хрустальный на горе...

«Рунов Владимир Викторович»

2013

УДК 342.553(092)
ББК 66.3(2Рос)-8

Рунов В. В.

Дом хрустальный на горе... / В. В. Рунов — «Рунов Владимир Викторович», 2013

История жизни Мурата Казбекоеича Ахеджака, бывшего вице-губернатором Краснодарского края. Это повествование о юноше из маленького адыгейского аула, ставшем одним из руководителей Кубанского края и отдававшим все силы во имя его процветания. Ушедший из жизни в самом расцвете сил, полным идей и планов, он запомнился кубанцам как незаурядный политик, прирождённый лидер, требовательный руководитель, справедливый и честный человек, верный и надёжный друг. В память о нём написана эта книга. Текст публикуется в авторской редакции.

УДК 342.553(092)
ББК 66.3(2Рос)-8

© Рунов В. В., 2013
© Рунов Владимир
Викторович, 2013

Содержание

Эхо гитарной струны	8
Депутат из города Кропоткина	11
Политическое взросление	13
Родники мои серебряные...	14
Весна в душе	16
Рождение	19
Центр сельского мироздания	25
Теплота родного очага	30
История любви	34
Как жить без Пушкина?	38
Дар общения	41
Мурат и его команда	44
Мамаев курган	46
Кончик иглы	49
Труба зовёт	54
Сказки бабушки Гошехурай	59
Среда воспитания	61
Дед и внук	63
Выбор пути	66
Воспитание чувств	69
Долина черноклёна	75
Казбек, дед Казбека	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Рунов Владимир Викторович

Дом хрустальный на горе...

© В.В. Рунов

© ООО «Книга»

* * *

Посвящается Луизе и Казбеку Ахеджак (старшим и младшим)
Автор

*...Дом хрустальный на горе – для неё.
Сам, как пёс бы, так и рос в цепи!..
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!..*

Владимир Высоцкий
1967 г.

Так уж повелось, что судьбу редких по значимости людей чаще всего определяет время и место рождения, и избежать этих обстоятельств почти невозможно, особенно когда природа наделяет такого человека качествами очевидно неординарными. Скорее рано, чем поздно ему становится тесно в уюте родительской домовитости. Это тем более странно, поскольку большинство людей к тому и стремится, что надо воспринимать как явление абсолютно нормальное, но только не для тех, у кого, как говорится, «душа кипит, а сердце плачет». Вот я как раз о таких и хочу сказать...

Другое дело, какими путями неординарная личность выходит на столбовую дорогу своей яркой жизни из узкого круга деревенской юности и куда потом её пути устремлены, а главное, насколько впоследствии духовно и житейски сохраняются связи той личности со своей малой родиной. Чаще ведь если уходит, особенно из глухомани, то навсегда, возвращаясь к родным «плетням» лишь сенсационными публикациями, шумными телепередачами, вселенской известностью и почти никогда лично.

Ельцин, например, будучи Президентом России, к своей родимой станции Бутка, что в Свердловской области, ближе, чем на полторы сотни километров, и не приближался, а народный артист Михаил Ульянов в глухое сибирское село Бергамак, где появился на свет, приехал лишь однажды, уже в конце жизни, заслуженно усыпанный всеми возможными почестями в золотом обрамлении.

Я это говорю отнюдь не в качестве осуждения, а скорее – в констатацию, поскольку жизнь подчас складывается так, что «родное гнездовье» в памяти избранных брезжится настолько далеко, что с расстояния собственной вселенской известности видится не более чем светлым пятнышком с иллюзорными ощущениями, что если что и было, то в какой-то далёкой и малоправдоподобной жизни.

В этом смысле Мурат Ахеджак – безусловно, человек уникальной редкости. Куда бы ни заносила его судьба, на какие бы высоты она его ни подымала, он всегда утверждал и словом, и делом, что родной аул для него оставался главным местом жизни.

Я думаю, это объясняется просто: в нём, по большому счёту, никогда не было того «генеральства», что кардинальным образом преобразует личность, чаще всего преисполненную избытком властных возможностей, особенно когда они (эти возможности) появляются достаточно рано. Более того, он нередко говорил, особенно если ему хотелось освободиться от служебных условностей и перевести беседу в доверительное русло:

– Давай поедem ко мне в Псейтук, там и потолкуем...

И вот там, в ауле Псейтук, традиционное адыгейское гостеприимство множилось на те степени человеческого обаяния, которые он удивительным образом пронёс через всю свою стремительную, до боли короткую, но чрезвычайно наполненную жизнь...

В памяти любого, кто хоть однажды общался с ним, а тем более – в родовом доме, что на берегу Кубани, навсегда оставалось ощущение непривычной для нынешнего времени искренности, особенно когда ты, гость, понимал, как непросто подобным людям в силу высокого служебного и общественного положения держать, как говорится, качество «лица». То есть в любых положениях оставаться самим собой и быть тем Муратом, кого с малых лет отличали улыбка и характер редкой искренности...

Эхо гитарной струны

Может быть, только сейчас я начинаю осознавать, что духовный мир поколения Мурата сформировал человек, которого советская идеология воспринимала (если так можно оценить) с полупрезрительной и снисходительной усмешкой. А зря!

Никто столь продуктивно не размонтировал «марксистско-ленинское мировоззрение», отлитое в многопудье неподъёмных томов, как это сделал Владимир Семёнович Высоцкий, хриплым голосом с некачественных магнитофонных лент с лёгкостью перекрывая всю меднотрубную мощь митинговых оркестров, что гремели во славу победившего социализма в стране, с утра занимавшей очереди за колбасой, шапками из кролика и стиральным порошком. И если моё поколение, близкое к так называемым «шестидесятникам», слушая Высоцкого, позволяло себе, в основном, хихикать в кулак, воспринимая политику двойных стандартов (говорить одно, а делать другое) как нечто неизбежное, с чем приходится мириться, то поколение Ахеджака, рождённое под вещие аккорды великого провидца, покорно соглашались с обречённо-привычным уже не желало.

В истории (а уж тем более – в нашей) это стало единственным случаем (по крайней мере, известным мне), когда человек, вооружённый лишь гитарой и хриплым голосом, увёл за собой миллионы молодых единомышленников, а власти, окаменевшие в давно отмерших догмах, этого даже не заметили, а когда заметили и неуклюже засуетились, было уже поздно.

Сколько отроков того времени иступлённо грохотали тогда по гитарным струнам, пробуя на твёрдость свои ломающиеся голоса поэтическими призывами Высоцкого! В том хоре звучал и голос мальчишки с густоволосой, лохматой головой из крохотного адыгейского аула. Он пронёс любовь к Высоцкому и бардовской песне через всю свою жизнь.

*...Если шёл за тобой, как в бой,
На вершине стоял хмельной,
Значит, как на себя самого,
Положись на него! –*

пел «под Высоцкого», старательно обрывая гитарные струны, убеждённо наговаривая для себя основные нравственные ценности, с которыми пройдёт путь до самого своего последнего часа...

Много раньше, ещё в пору начала его политической деятельности, у меня однажды была возможность подискутировать с ним о значении и месте Высоцкого в отечественном искусстве, в частности – поэзии, где Мурат твёрдо настаивал на самых высоких оценках его творчества.

Первокурсник Мурат Ахеджак. 1979 г.

Поводом для дискуссии стало телевизионное интервью Андрея Вознесенского по случаю очередной годовщины кончины Владимира Семёновича, где Вознесенский рассказывал, как трогательно-внимательно Володя относился лично к нему, и в подтверждение приводил телефонный разговор, в котором он пожаловался Высоцкому, что никак не может достать в дом новогоднюю ёлку. Каково же было изумление, когда за час до курантов в дверь кто-то позвонил. Открыв, Вознесенский увидел Володю в сопровождении двух шкафообразных амбалов, и в руках у него была роскошная ель, каких в Москве и не встречали – разве что только у семей членов политбюро...

– Высоцкий ведь при жизни не увидел напечатанной ни единой своей строчки, – горючил Мурат. – Они, друзья его мнимые, считались мэтрами, литературными «маршалами», располагали огромными возможностями, однако ему только обещали, покровительственно похлопывая по плечу: дескать, старайся, Володя, работай над собой, а там посмотрим. А чего смотреть, он ведь уже и тогда на три головы был выше их всех, а благорасположения вынужден был искать... Вот ёлку принёс! Так и ушёл из жизни, не подержав в руках своего сборника, о чём мечтал мучительно, в то время как макулатура про флаги-стяги печаталась миллионными тиражами... – убеждённо говорил Мурат.

Что я мог возразить, если всё так действительно и было! Более того, по аналогии мы вспомнили и другого литературного «великомученика» – Александра Вампилова, который если и захватил какой-то свой успех, то самый краешек. А иркутский театр, который сейчас носит его имя, в пору жизни драматурга и на порог его не пускал, хотя уже были написаны «Утиная охота», «Прощание в июне», «Старший сын». Увы, пророков в нашем отечестве как не было, так и нет! – такой вывод мы тогда сделали оба...

Меня в ту пору удивила не столько кавказская категоричность молодого собеседника, сколько его литературная осведомлённость. Я тогда не знал, что мама его – учительница литературы, более того, одна из лучших в Адыгее, особенно в области русской словесности. Зато я уже был хорошо осведомлён, что сам Мурат Ахеджак профессионально вроде

бы весьма далёк от гуманитарных процессов, поскольку после окончания строительного факультета Краснодарского политехнического института работал в Кропоткине. Сперва в передвижной механизированной колонне, в короткие сроки поднявшись от мастера до начальника ПМК. Потом он стал депутатом местного совета, где почти сразу избран председателем.

Городок Кропоткин в пору нашей первой встречи, прямо скажем, был не по размеру (да и не по чину) политически скандалёзен, и если чем-то и славен, то скорее памятью о знаменитом теоретике русского анархизма и густыми паровозными гудками старейшего в крае железнодорожного депо.

Что касается политических скандалов, в ту пору это было в порядке вещей, ибо препирались все, даже на уровне края: выясняли не столько кто умнее, а кто главнее. Особенно, как тогда стали выражаться, на уровне «муниципальных образований», то есть городов, и прежде всего – краевого центра, где это занятие стало просто «фирменным» публичным развлечением на глазах у изумлённых телезрителей.

А уж в Кропоткине, помнится, тогдашний «демократически» избранный мэр был, что называется, «мужчина с норовом» и старательно его (норов) обслуживал. Насколько мне помнится, при всяком удобном случае посылал несогласных с ним в разные стороны, причём в крайне ультимативной форме.

По этой причине появление (а я в то время возглавлял ГТРК «Кубань») кропоткинского представителя повергло меня в уныние. Особенно если учесть, что в те годы избирательный водораздел чаще всего проходил по линии дискуссий в телевизионной студии. А характер тех «дискуссий» нередко имел тенденцию к копированию взаимоотношений на экране знаменитого уже в то время «революционной горячностью» Владимира Вольфовича с популярным политиком «новой формации» и любимцем женщин Борисом Немцовым.

К счастью, у нас в ГТРК дело до публичного обливания друг друга соком не доходило, но крайние определения в оценке оппонентов иногда присутствовали. Скажу больше – кто только тогда не рвался в эфир, чтобы заполучить поддержку избирателей в борьбе за депутатское кресло, и кого только я не видел в своём кабинете, особенно в разгар избирательных кампаний, – от кинозвёзд и героев-космонавтов до самопровозглашённых казачьих «генералов», а чаще людей, которых к власти на пушечный выстрел нельзя было пускать.

Депутат из города Кропоткина

Но в отличие от многих, депутат из Кропоткина оказался не только чрезвычайно молодым по возрасту, но и приятно обаятельным по впечатлению. Он не рвался лично на экран, а лишь довольно деликатно сообщил, что недавно к своим городским обязанностям председателя местной Думы добавил ещё работу по руководству краевым отделением движения «Яблоко» и хотел бы выяснить возможности представительства этой партии на телевидении и радио.

Мы с ним довольно дружески поговорили на эту тему, и, к моему удивлению, он с пониманием отнёсся к тому, что в период избирательных кампаний проблемой «дележа» эфирного времени занимается не председатель ГТРК, а избирательная комиссия. Но в разговоре вдруг выяснилось, что в самое ближайшее время в край приезжает глава федерального «Яблока» Григорий Явлинский, кстати, крайне популярный в то время человек, вызывающий симпатию многих телезрителей, прежде всего – чеканностью своих экономических формулировок, может быть, не совсем правдоподобных, но весьма завораживающих.

Именно Явлинский был автором программы «500 дней», в которой обещал в такой срок пройти путь от пустых продуктовых полок к изобильной жизни в целом по стране, о чём при всякой возможности говорил с подкупающей вдохновенностью.

Пользуясь случаем, я предложил Явлинскому выступить в авторской программе «Встреча», которую вёл в качестве журналиста каждую неделю. Программа была популярна, прежде всего, потому, что там вне зависимости от политической ориентации выступали по-настоящему значимые люди, по-разному мыслящие, но одинаково и безусловно интересные зрителям.

Я думаю, в крае не было ни единого сколько-нибудь заметного публичного лица, с которым бы мне тогда не удалось вести диалог в рамках именно этой программы. Это и политики высокого ранга: Н. Кондратенко, Е. Харитонов, А. Ткачёв, Н. Егоров, В. Самойленко, В. Бекетов, В. Дьяконов; руководители средств массовой информации: П. Придиус, В. Смеюха, С. Поживилко, С. Шипунова; врачи: В. Порханов, В. Оноприев, Т. Аркадьева; писатели: В. Лихонос, В. Логвинов; деятели культуры, учёные, спортсмены, артисты, в том числе Иосиф Кобзон, Юрий Григорович, Виктор Захарченко, Леонард Гатов, крупные хозяйственные руководители, предприниматели, но самое главное – в нашей программе «Встреча» на равных принимали участие деятели высшего федерального уровня: В. Черномырдин, В. Жириновский, С. Степашин, С. Шойгу, А. Лебедь, Н. Рыжков, генералы Л. Рохлин, К. Пуликовский, И. Родионов, А. Николаев, депутат Е. Лахова, адмирал Э. Балтин и многие другие знаменитые люди, поэтому заполучить в программу ещё и Григория Явлинского было действительно заманчиво.

– А что, это возможно? – недоверчиво спросил Ахеджак.

– Ну конечно!

– И сколько будет стоить? – последовал следующий вопрос.

Я понимал, о чём идёт речь. В ту пору в практику средств массовой информации уже входила так называемая коммерческая составляющая (обычная, кстати, сегодня). Проще говоря, когда с большинства выступающих телевизионные организации брали деньги, и, как я понимаю, немалые.

Но видит Бог, я провёл сотни таких передач, беседовал с самыми различными людьми, но никогда о деньгах даже не упоминал, и это могут подтвердить все, с кем я тогда общался. Нам тогда удавалось сохранять в эфире не только разумное политическое равновесие, но и проявлять к каждому человеку, выступающему на нашем экране, уважительное, гостеприимное отношение, когда любой денежный вопрос в нашу пользу даже не обсуждался.

Да, мы не могли платить положенный в таких случаях гонорар, но и никогда не позволяли себе брать деньги с людей, которые своим присутствием на экране и создавали авторитет любой телерадиокомпании. Поэтому появление на нашем канале Явлинского только добавляло очков этому авторитету.

Примерно всё это я и объяснил моему молодому симпатичному собеседнику, который вскоре вновь появился у нас, но уже в сопровождении самого Григория Алексеевича Явлинского.

Политическое взросление

Беседа тогда получилась интересная, а главное – уважительная с обеих сторон, хотя достаточно острая, каким, впрочем, и должно быть публичное общение со столь известным политиком, когда журналист сознаёт, что главный фигурант в любом интервью – это тот, у кого его берут.

Скажу честно, мне было приятно в конце передачи получить из рук Явлинского его книгу с тёплой дарственной надписью. Но двигаясь дальше по линии анализа этого интервью, я понимал, что увлекательные кружева рассуждений популярного экономиста часто базируются не на реальной жизни, протекающей в стране под названием Россия, а на стерильно выхолощенных теоретических пассажах, которые хорошо выглядят на бумаге и совсем иначе – в человеческом сообществе, где часто «забывают про овраги, а по ним скакать».

Я думаю, Мурат это понял раньше меня. Что-то, а про реальные «овраги» узнал за время своей работы в ПМК, что расшифровывается как «передвижная механизированная колонна», да ещё в достославном городе Кропоткине, стоящем на перекрестии не только железных дорог, каждый километр которых был прострелен что в Гражданскую, что в Отечественную войну, но и эпох со всей их социальной вздыбленностью.

Ведь не случайно именно этому городу, в конце концов, выбрали имя крупного ниспровергателя, искавшего гражданского успокоения как раз в неугомонности. Поэтому Мурат начал трудовую деятельность не на аспирантской скамье (где его по окончании института оставляли), откуда любому кажется, что все «болезни» века можно вылечить по «Справочнику фельдшера», а с прокладки земляных траншей под трубопроводы, где сломанный траншейный экскаватор и запивший бульдозерист (и это ещё не самые большие трудности) вмиг разрушат всякие иллюзии по поводу «500 дней», которые, по Явлинскому, должны были преобразить взъерошенную горбачёвской перестройкой экономику в быстро летящий ракетоплан из романа Жюль Верна.

Уход Ахеджака из «Яблока» был итогом закономерного политического взросления. Более того, возглавив городской совет в Кропоткине, он вскоре предметно осознал, что красивые рассуждения о хорошей жизни и конкретная работа для создания таковой – это вещи скорее противоположные, чем совместимые.

Сам он мог рассуждать блестяще, что его и сблизило с «яблочниками», но в отличие от них, с того, на чём они заканчивали, он только начинал, поскольку всегда был человеком дела, человеком осязаемого результата, а главное – знающим его подлинную цену.

В «шумном» городе Кропоткине это осознали ранее всех, поэтому и без излишних дискуссий выбрали тридцатилетнего руководителя ПМК-19 председателем городского совета. В этой должности он пробыл полных пять лет и, насколько мне известно, оказался не только самым продуктивным руководителем, но ещё и человеком, внёсшим в городскую жизнь деловую атмосферу решения актуальных проблем, что очень снизило накал политических страстей. Забегая вперёд, скажу, что в память о Мурате Ахеджаке одну из улиц благодарные горожане назвали его именем...

Я думаю, у меня ещё будет повод вернуться в кропоткинский период его жизни, но, следуя логике повествования, хочу сначала позвать вас туда, где начинался он, этот жизненный путь. Где Мурату всегда было комфортно и где он (по его же словам) всегда был «без галстука», потому что там он почти всегда оставался тем самым сверкающим белозубой улыбкой мальчишкой, что озарял ею всех, с кем общался...

Родники мои серебряные...

Если когда-нибудь вы соберётесь побывать в ауле Псейтук, что вплотную приткнулся к левому берегу Кубани, думаю, у вас будут определённые трудности, поскольку, петляя вдоль речной излучины по сети узких дорог, вполне возможно забрести куда-нибудь в сторону, а то и вообще попасть в соседнее село.

Со мной так бывало, особенно много раньше, когда всё левобережье, что ниже Краснодара, в том числе и эти приречные участки, считалось опасной, затопляемой зоной. И хотя здешние аулы имели грандиозное историческое прошлое, в котором, в частности, все войны, включая Великую Отечественную, захлёстывали эту местность раскалённым «цунами», но даже в мирное время люди на этих землях жили с осторожностью, помня о наводнениях, обрушивающихся на плодородные равнины с опасной регулярностью. По этой причине и дороги (в лучшем случае – гравийные), ведущие сюда, хитро петляли, чаще переходя в просёлочные, растворявшиеся в бесконечных полях и отгонных пастбищах, что создавало местным жителям славу искусных хлеборобов и скотоводов.

Всех, кого интересует история славного аула Псейтук, я отсылаю к двум книгам: «Наш Псейтук» местного учителя и журналиста Шабана Кадыровича Хушта и «Мой аул – моя гордость», чей автор – журналист, тоже местный, Руслан Махмудович Туркава. Они из рассыпанных по разным источникам крупиц воскресили имена и воссоздали картину, рисующую, как за полтора века на живописном берегу капризной и коварной реки обосновалось небольшое, но удивительно жизнеспособное поселение, вобравшее в себя всю стойкость, силу и многообразие лучших качеств небольшого кавказского народа.

В одной из старых адыгейских песен есть такие строки:

*Невестки веют пшеницу,
Старинные песни поют,
Пролило слёз много с кровью
В древнем Псейтуке нашем...*

В коротком четверостишии очень точно подмечены особенности той многотрудной жизни, и однажды мне самому воочию пришлось увидеть, как выглядят эти «слёзы в древнем Псейтуке».

Дело было в июне 1966 года, в самом начале моей работы на Краснодарской студии телевидения. Примерно за месяц до этого в крае произошло, как тогда шумно вещала пресса, «событие большой политической важности». На Кубань с двухдневным визитом приехали Леонид Ильич Брежнев и Алексей Николаевич Косыгин, генеральный секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР, два самых высоких руководителя страны.

Надо, наверное, напомнить, что это было за время и что за необходимость заставила двух главных руководителей огромной страны, бросив все дела, приехать в Краснодарский край. Дело в том, что Брежнев пришёл к власти в октябре 1964 года, после знаменитого пленума ЦК КПСС, где завершилась многолетняя карьера Никиты Сергеевича Хрущёва, который, разрушив культ личности Сталина, на этих обломках пытался выстроить культ своей собственной личности. В результате те качества, которые он получил в виде кредита надежды и доверия за снятие со страны оков жестокого «сталинского режима», он безвозвратно потерял, превратив, в конечном итоге, трагедию в фарс.

Этот «фарс» создал в стране огромные политические и экономические трудности, которые коснулись даже такого благословенного края как Кубань. Где, кстати, хрущёвский «ставленник» Георгий Иванович Воробьёв, первый секретарь крайкома партии, не сориен-

тировался и не поддержал вовремя намерения «партийных заговорщиков» освободиться от «разнузданного» Хрущёва. В политике достаточно назвать Карибский кризис, поставивший мир на грань реальной термоядерной войны, а в экономике – попытки продвинуть посев кукурузы до границ произрастания ягеля и прочие благоглупости, сумма которых и привела к крушению карьеры «неутомимого ленинца», как тогда именovala советская пресса Никиту Сергеевича.

Брежнев был совершенно другим человеком и с первых дней своего правления действовал иначе, всячески демонстрируя непривычные обществу демократические и, если так можно сказать, дружелюбные начала. Лучше всего это проявилось, кстати, на примере Краснодарского края.

Судьба Воробьёва, который опомнился, но слишком поздно, была решена не в привычном для хрущёвского режима ключе – выгнать с треском с работы, а заодно – из партии, и отправить куда-нибудь в целинный совхоз главным бухгалтером, а несколько иначе. Воробьёву дали с полгода помучиться в ожидании решения своей участи, а потом в край приехал печально знаменитый газетный «киллер» Юрий Черниченко (очень, кстати, талантливый) и по итогам своей поездки по полям и фермам опубликовал статью под названием «По кораблю ли плавание?..».

«Кораблём», естественно, был Краснодарский край, а «капитаном» – первый секретарь Георгий Воробьёв. Вывод: с таким «капитаном» «корабль» вот-вот сядет на мель, если уже не сидит на таковой. Ну а дальше было дело партийной «техники». Воробьёва, естественно, от должности отрешили, хотя, в отличие от Сталина, в лагерь не отправили, ну и «по Хрущёву» до бухгалтера не опустили, а назначили распоследним заместителем министра сельского хозяйства.

На место же Георгия Ивановича Воробьёва прислали из Тамбова Григория Сергеевича Золотухина, настоящего большевика, твёрдого, принципиального, к тому же с довольно суровой внешностью. Брежнев и Косыгин приехали как раз в самом начале кубанской карьеры Золотухина, не то с целью разобраться, насколько Воробьёв всё провалил, не то поддержать своего назначенца. Мне, совсем молодому журналисту, выпала тогда задача (да и честь тоже) попасть в пресс-группу, освещавшую поездку советских лидеров по «жемчужине России», как было принято Кубань именовать. Брежневу и Косыгину показали для начала витринно-показательный рисовый совхоз «Красноармейский» (куда, кстати, возили всех почётных гостей, включая и Хрущёва). Но большую часть времени они уделили проблеме летних паводков, с регулярностью обрушивающихся на Кубанскую равнину, особенно на левобережье, где находилось немало адыгейских аулов, включая и ближайший к Краснодару (если глядеть по прямой) – аул Псейтук.

И надо же было такому случиться, что через месяц после отъезда руководителей государства в крае разыгралось одно из самых размашистых наводнений. Раннее и жаркое лето растопило обильные снега Кавказского хребта, и стремительные потоки, опрокидывая дамбы и слабое обвалование, стали заливать равнинные пространства, куда попали и прибрежные аулы, а Псейтук, ближайший к Кубани, – так в первую очередь.

В эти тревожные дни первый секретарь крайкома Г.С. Золотухин и председатель крайисполкома И.Е. Рязанов на спасательном катере объезжали зону бедствия и общались с населением. В небольшой группе журналистов, которые освещали ту поездку, от телевидения был я и кинооператор Саша Старосельский. Вот тогда я впервые попал в аул Псейтук, часть населения которого вывезли, а часть сидела на крышах и чердаках в ожидании помощи.

Весна в душе

Мурату Ахеджаку в ту пору было всего четыре года, но он, в подробностях, знал ту историю по рассказам. Впоследствии не раз высоко оценивал огромные усилия, с помощью которых была прекращена вековая напасть – опустошительные паводки. Двенадцатикилометровая плотина, возведённая через несколько лет после приезда Брежнева и Косыгина, стала непреодолимой преградой на пути стихии, возродив в густо населённой Прикубанской низменности гарантированное умиротворение.

– Меня тогда вывезли! – говорил Мурат. – Поэтому реального наводнения я ни разу не видел, но родители говорили, что это был сплошной кошмар.

После той встречи, что состоялась с Явлинским, у нас несколько раз была возможность дружеского общения, и однажды, заговорив о своём ауле, он вдруг как-то очень уж сердечно сказал:

– Знаешь, что такое в Псейтуке весна?..

И тогда я понял, почему он такой, совсем не похожий на человека, собирающегося делать политическую карьеру, где часто лучше бы подзабыть о романтических сердцебиениях при воспоминаниях о беззаботной юности, особенно когда вхождение в неё совпадало с неповторимой кубанской весной.

Знал ли я её? Не только знал, но и помню всю жизнь, всякий раз с нетерпением ожидая, как вдруг после не очень длинной, но всегда слякотной зимы однажды ранним утром открываешь глаза и видишь, как сквозь стёкла, ещё вчера залепленные мокрым снегом, вдруг врывается ослепительная голубизна бездонного неба.

Вот и распахнулось оно, это волшебное «окно», за которым в который раз просыпается новая, всякий раз неповторимая южная весна, волнующая всё сущее и живое. Ещё вчера серые, словно мёртвые, ветви сада начинают отдавать зеленью, почки набухли и вот-вот «выстрелят» острыми стрелами первых листочков. Медленно, как в загадочном, полном драматургических тайн театре, поднимается туманный занавес, открывая бесконечные дали, на самом краю которых, далеко за горизонтом, брезжат сказочные сверкающие миражи. Это вершины Западного Кавказа, покрытые вечными льдами, которые в ту пору достижимы, кажется, с любого расстояния.

Так бывает только ранней весной, когда воздух уже свободен от всяких морозных примесей и неправдоподобно чист, чист до оглушающего звона. А вокруг уже все декорации изменились, словно и не было той слякотной тоски и придавленности. Река за тополиной аллеей шумит совсем по-другому, угрожающе-весело, внезапно птичий гам возникает вроде как из ниоткуда. А далеко в поле уже стучат тракторные пускачи, предвещая близкий сев. Озимое поле изумрудно сверкает, каждый стебелёк там – словно чисто вымытый, а на просыхающей огородной борозде суетятся скворцы, проверяя, всё ли тут на месте, не изменилось ли что-то за время их отсутствия...

Казбек Ахеджак с первенцем. Февраль 1963 г.

Мурат родился воистину в удачное время – на исходе суток, бархатной ночью, в самой середине лета, когда Краснодар похож на единую благоухающую цветущую клумбу, прикрытую от жары прохладными кронами деревьев. Город был раза в три меньше, чем сейчас, но именно это обстоятельство позволяло ему сохранять уютное таинство старых улиц, в глубине которых и располагался тот самый родильный дом, куда доставили молодую учительницу Луизу Ахеджак...

Смешно сказать сегодня, но в те времена попасть из Псейтука в краевой центр проще всего было по реке, то есть через Кубань. Тогда как раз стояла пора летнего половодья, да и плавсредства проще не придумаешь, чем плоскодонная лодка, на которой жители аула, демонстрируя отчаянную решимость, пускались в довольно рискованное путешествие. Зато время пути сокращалось намного, полчаса страха, и вот он – город! Взволнованный Казбек усадил беременную жену на хлипкую скамейку, прижал её покрепче к себе и скомандовал охрипшим голосом дюжему гребцу:

– Давай!..

Луиза потом призналась, что весь путь преодолела, вслушиваясь в журчание реки с закрытыми глазами – уж больно страшно было. Не за себя, за будущего ребёнка! Но и он, видать, что-то уже почувствовал, притих, хотя обычно вёл себя излишне энергично. Это и взволновало молодых родителей, подтолкнув к столь рискованному путешествию. И как потом выяснилось – не зря!..

«И вот гляжу я в пространство и вижу, как солнечный лучик весело играет с бело-снежной шторой. Она колыхается от прикосновений утреннего бриза, отбрасывая на казённые стены послеродовой палаты замысловатых зайчиков, – вспоминает она в своих записях. – Осознание того, что я уже мама, ещё не стало доминирующим, но в сердце поселилось уже что-то совершенно новое, абсолютно до того непостижимое. Оно с нарастающей силой охватывает всё моё существо – ведь я уже знаю, что у меня мальчик. Тогда не было предварительного определения пола будущего ребёнка, и для родителей появление его на свет всегда оставалось сюрпризом. Но мы с мужем почему-то твёрдо были уверены, что наш первенец будет обязательно мальчишкой. Почему – не знаю, но так было. Пока он только мелькнул передо мной, маленький розовый комочек, а сейчас я жду, когда мне его принесут. В палату заглянула нянечка и, окинув покровительственным взглядом нескольких счастливых, разрешившихся от бремени мам, вдруг остановила потеплевший взгляд на мне и говорит:

– А твой – красавец писаный!..

Держу его на руках и ещё не осознаю в полной мере, что трудности уже позади (а первые роды – всегда неизвестность и предполагаемые сложности), и пытаюсь в маленьком, ещё неотрывном от меня существе разглядеть своё и его будущее. Мне тогда казалось, что жизнь моего малыша будет наверняка более счастливая, чем наша. Он никогда не узнает, что такое война, потеря близких, голод, холод. Всё, что пережили мы, дети войны, уже точно никогда не вернётся на нашу многострадальную землю.

Что подделаешь, человеку всегда хочется мечтать о лёгкой и праздничной жизни, в которой хорошо всем, но прежде всего – детям, ведь именно их благополучие определяет социальную гармонию общества, а в конечном итоге – и всей страны.

А как я ещё могла думать, если за окнами стоит такой благословенный летний день, сквозь шторы доносится лёгкий шум прекрасного южного города, а на крыльце роддома переминается растерянный счастливый муж, ещё не верящий, что его первенец – мальчик! По его мнению, обязательно будет джигит!.. А „джигит“ этот пока сладко посапывает у меня на руках, такой желанный мальчишка, с мордашкой, словно выписанной рукой вдохновенного художника...»

Рождение

Мурат Ахеджак родился 18 июля 1962 года в Краснодаре, в роддоме, что на улице Комсомольской, в то время лучшим медицинском учреждении подобной специализации. Спустя три года, 22 июля 1965 года, там же появился на свет и мой сын Саша, и я тоже нетерпеливо обтопывал ступеньки в ожидании первенца и тоже получил его в полном порядке.

Тот краснодарский роддом, что и по сей день находится в историческом центре города на улице с воодушевляющим для того времени названием, считался не только лучшим в крае, но и слыл весьма авторитетным учреждением подобного типа, поскольку здесь множество лет практиковал воистину легендарный кубанский акушер Мартин Николаевич Кириевский. Более того, тут часто консультировал не менее видный специалист в этой области – профессор Александр Михайлович Килимник, фигура чрезвычайно интересная, прежде всего, тем, что в годы войны он был личным врачом маршала Жукова. После демобилизации молодой военно-полевой хирург делает неожиданный поворот в своей профессиональной биографии и переучивается на акушера, с чем и пройдёт всю свою долгую жизнь, став многолетним заведующим кафедрой в Кубанском медицинском институте. В рамках журнала «Здоровье», редактором которого я был на краевой студии телевидения, я встречался с ним несколько раз, и на мой вопрос: «Почему?» – он ответил:

– За войну, юноша, я видел столько смертей, главным образом – людей вашего возраста, что сам Господь повелел мне находиться у истоков появления человека на свет и не зашивать искалеченную человеческую плоть в пробитой осколками медсанбатовской палатке, а стоять у родильного стола и принимать младенцев... Поверьте, это чувство, ни с чем не сравнимое, особенно в контрасте с тем, чем я занимался на фронте...

Мурату семь месяцев. Февраль 1963 г.

Мурат с родителями. Февраль 1963 г.

Килимник был воистину удивительным человеком, интеллигентом высшей пробы. Но в любом медицинском учреждении, скажем помягче, его побаивались, ибо врачу, прошедшему всю войну и хорошо знавшему цену жизни, не раз видевшему, как она уходит из изувеченных войной молодых ребят, было хорошо понятно, что именно называется лечебным порядком. Он считал, что «врачебная ошибка» – это почти всегда результат чьего-то голо-

вотяпства, и когда такое видел, становился гневным до крайности. Вот почему жёстко следил за тем, на чём базируется вся медицина: за качеством лечения, которое, по его мнению, начиналось прямо от порога клиники. Поэтому роддом на Комсомольской был не только лучшим, но и брал на себя все тревожные случаи, и именно сюда со всего края доставляли рожениц с так называемыми нестандартными ситуациями. В их число и попала однажды Луиза Ахеджак, и в том была её удача, хотя бы потому, что её осматривал сам Кириевский, принявший решение немедленно госпитализировать молодую женщину, несмотря на то, что она проживала в Адыгее. Так она и родила тут, хотя у Мурата в паспорте местом рождения значился Майкоп.

Авторитет Кириевского был столь незыблем, что ради благополучия ребёнка и матери он мог свободно пренебречь официальными условностями (ну, скажем, необходимостью обязательно рожать по месту жительства).

– Что потом запишут в метрике, это уже второе дело, – говорил он. – Лишь бы младенец был здоровеньким, а мама – счастлива!

Я его тоже хорошо помню, поскольку пару раз встречался в рамках телевизионного интервью, однажды даже сразу после того, как он лично принял полумиллионного жителя Краснодара. По этому поводу много было восторженного шума, газетной трескотни, и невозмутимость сохранял один Кириевский, высокий, сухопарый, с гвардейской выправкой старого офицера, худощавый, всегда с гладко выбритым лицом. Во время разговора я обратил внимание на его руки с длинными тонкими пальцами музыканта и сказал ему об этом. Он усмехнулся:

– Пальцы акушера должны быть более гибкими и уж точно более чувствительными, чем пальцы даже высококлассного пианиста... А главное, – добавил он после паузы, – добрыми...

Мурат с бабушкой Мелеч и сёстрами Саидой и Заремой. 1979 г.

Была там ещё одна удивительная, почти мистическая подоплёка (и сейчас никто не знает, как это всё объяснить), связанная с тем самым роддомом. Загадка в том, что долгое

время каждую зиму откуда-то из-за Кубани в город прилетала большая стая сов и рассаживалась на ветви деревьев, причём всегда на одном и том же месте, напротив окон родильного зала. Так, утром прилетая, а на ночь улетаая, они безотлучно находились тут вплоть до весенних дней, а с первым теплом улетаали до следующей зимы. Но однажды совы не вернулись, и это случилось как раз в ту пору, когда Кириевский скончался. Он дожил почти до девяноста лет, приняв в свои волшебные руки добрую треть краснодарского населения. Пример с Муратом свидетельствует, что и не только краснодарского...

Человек, красивый внешне, – почти всегда божий избранник, а если он ещё наделён светлым характером (что случается много реже), то тогда – избранник тройне. Нам ведь каждому характер дан чаще не в управление, а, если хотите, в назидание, чтоб «жизнь мёдом не казалась».

– На, – говорит Всевышний, – неси, радуй или себя, или других!

Так вот, мало быть от природы удостоенным внешней привлекательности, неплохо к этому ещё и одарённости прихватить, но главное – получить от того же Господа Бога или Аллаха транспортное средство, на котором всё это ты покатишь по жизни: то ли это будет лёгкое пружинное ландо, то ли ломовая телега, а ещё хуже – вериги на ногах. Разве мы не знаем примеров, когда уникальные качества только подталкивали человека в лоно зла и порока, в костре которых подчас сгорали самые талантливые, «штучные» люди?

Тогда и становится понятно, что основным врагом такого таланта является он сам. И наделённый талантом человек под грузом личных амбиций теряет ощущение общественного пространства, в котором живёт, всеми способами лелея исключительно свою избранность, и, в конце концов, теряя всё и нередко превращаясь в изгоя. Помните, как точно сказал когда-то писатель Борис Горбатов: «Жизнь ковала из меня булатный меч, а получился перочинный ножик!»

Эти рассуждения я позволил себе с одной целью – чтобы подчеркнуть уникальность личности моего героя, где в гармоничном сочетании сошлись и природа, и характер. Готовя эту книгу, я общался со многими людьми, которые в разное время и по разным поводам (иногда очень острым и не совсем приятным) встречались с ним, и все в один голос отмечали удивительную контактность Мурата, его расположенность к человеку, причём любому, будь то сельский механизатор, клубный библиотекарь или генеральный директор чего-то серьёзного, крупный бизнесмен, милицейский генерал или политический деятель. Он мог не только вести диалог с той степенью уважительности, которая давала его собеседнику свободу общения, но и умел слушать, а главное – слышать.

На своём веку я повидал многих людей (особенно на сломе общественных формаций), которых судьба (чаще – обстоятельства), как говорят, с «гольной» равнины подымала «воздушным шаром» в «розовые небеса». Право же, трудно в таких случаях не поверить в свою исключительность, с возможностью и правом назидания всех и вся! Но вот не было этого у Мурата даже в лёгкой степени, и, пытаясь найти ответ на своё очередное «Почему?», я пришёл к выводу, что роль тут играло не столько месторасположение малой родины, сколько её содержание, то есть семья. Для него понятие «дом» всегда было окрашено ощущением человеческой любви, которая, начинаясь от порога жилища, перебрасывалась во все уголки родного села, где Мурат с малых лет видел жизнь во всём её глубинном значении, то есть, прежде всего, значении созидательного труда – а это основы основ формирования характера, а в конечном итоге – и судьбы.

С малых лет он хорошо знал, для чего человеку нужен плуг, как запрягать лошадь, как заправлять трактор, откуда берётся молоко, как цветут сливы, как ухаживать за знаменитым адыгейским тхачетом, что переводится на русский как «волшебная птица», а проще говоря – индюк, к Новому году вырастающим до угрожающих размеров.

Но самым главным «окном» в большой мир, безусловно, была школа, один из тех серебряных родников, из которых он испил лучшее, о чём помнил всю свою жизнь...

Центр сельского мироздания

Мурату несказанно повезло – он родился в семье сельских учителей, в которой сочетание знаний и применение их на практике были всегда максимально сближены. Когда-то выходил очень полезный и, кстати, широко распространённый журнал «Семья и школа», где уже в заглавии был скрыт глубокий смысл. На первом месте значилась семья, а уже потом школа. И это правильно!

Но в своём рассказе для удобства повествования я всё-таки хочу поменять их местами, хотя отлично понимаю, что особенно в сельской местности школа является прямым продолжением семьи. Они всегда тесно связаны друг с другом, просто в силу особенностей деревенской жизни. Боже упаси, нисколько не хочу умалять городскую, а уж тем более – столичную, но неизбывная российская сельская школа сыграла в судьбе нашей страны, безусловно, очень важную роль, особенно в воспитании поколений, при взрослении входивших в большую жизнь почти без адаптации к серьёзности её реалий.

Сельская школа давала многое из того, что в городе, в силу разных причин, было труднее, а иногда просто невозможно приобрести, а главное, то, что приобреталось, нередко становилось стержневым качеством характеров и судеб. Достаточно назвать одного человека – Василия Макаровича Шукшина, который, приехав в Москву из глухой алтайской деревни, где заведовал начальной школой (приехал, чтобы поступить в сверхэлитарный ВГИК), поразил на экзаменах всех не столько смазными кирзовыми сапогами, сколько полным незнанием элементарных вещей. Ассистент Михаила Ильича Ромма, который вёл экзамен, даже укорил его:

– Как же вы в школе-то работаете? – молодой столичный преподаватель, обутый в модные итальянские туфли, заглянул в личное дело непривычно взрослого для ВГИКа абитуриента, к тому же в потёртой гимнастёрке, добавил: – Тем более директором...

Мурат (четвёртый слева во втором ряду) с одноклассниками. В центре – учителя Ч. Кобле и К. Ахеджак. 1977 г.

Мурат с одноклассниками. 1985 г.

И тут Шукшин, что называется, взорвался:

– А что ты знаешь о сельской школе?!

Потом эти шукшинские эмоциональные «взрывы» познает вся страна из его книг и фильмов. Тогда же это было столь непривычно, тем более для элитарных стен, что даже уставший от абитуриентского потока и не очень здоровый в тот день Михаил Ромм, молчавший доселе, вдруг напрягся, почуяв что-то совсем иное, чрезвычайно искреннее для вгиковской экзаменационной атмосферы, где хорошо одетые и модно причёсанные молодые люди поставленными голосами старались поразить приёмную комиссию эрудицией.

Шукшин, понимая, что терять ему нечего, и перейдя на привычное «ты», решил высказаться до конца, прежде всего, чтобы этот столичный «хлыщ» понял, что есть какая-то другая жизнь – без хрустящих пончиков и марокканских апельсинов в нижнем буфете, растворимого кофе в фарфоровых чашечках под болгарские сигареты, с неподъёмными вялеными пимами на ногах, без сверкающего фаянса туалетных комнат. Жизнь под волчий вой в нескончаемых таёжных снегах...

– И что ты знаешь о том, кто таков директор школы в деревне Сростки? – яростно гремел совсем уж необычный абитуриент. – Нет, ты помолчи, ты послушай хоть однажды, как выглядит подлинная, а не ваша киношная сельская школа... Это когда надо встать затемно – в ту пору ты ещё сладко спишь под китайским верблюжьим одеялом, которые чтобы добыть в наших местах, надобно сдать в сельпо тонну кедровых шишек. Да через сугробы по морозу градусов в тридцать добрести до старой избы, где эта школа находится, да разгрести выпавший за ночь снег, да запрячь старую клячу и привезти дров, да натопить печь, да пойти встретить учеников, и так, чтобы ни один в метровых сугробах не потерялся. А ты когда-нибудь выпрашивал в районо тетради, буквари, мел, учебники?.. Ну понятно, не просил! А

к завтраку не грел самовар, сахар и хлеб не делил, чтобы девчонки и пацаны почувствовали хоть немного заботу и сытость...

Мурат с одноклассником Анзауром Хизетль. 10 класс. 1978 г.

Шукшин говорил всё это с такой выразительностью, что на следующий день Ромм написал ходатайство на имя ректора, в котором сообщал, что несмотря на неудовлетворительные итоги формальных экзаменов, он берёт этого абитуриента к себе на курс под личную ответственность. Ректор почти не сопротивлялся, поскольку великие мастера тогдашнего ВГИКа (а Ромм был куда уж более велик – пять Сталинских премий, из них четыре первой степени) имели право брать кого пожелают. Таков был незыблемый авторитет! Заметьте: не блат, распространённый во все времена, а авторитет!

Я упомянул Шукшина совсем не случайно, поскольку в учительской семье Ахеджаков он всегда присутствовал на библиотечной полке, почитался и как кинодеятель, но особенно – как писатель, очень точно отразивший причинность одарённости и широты души деревенского жителя.

Мурат с Володиёй Караевым. 1988 г.

Заметьте: где Сибирь, а где Кубань, а как много общего! Чем тогда объяснить, что все руководители края последних тридцати лет – это исключительно выпускники сельских школ? Я перечислю: Василий Николаевич Дьяконов – станица Платнировская Кореновского района, Николай Дмитриевич Егоров – станица Зассовская Лабинского района, Евгений Михайлович Харитонов – станица Михайловская Курганинского района, Николай Игнатович Кондратенко – станица Пластуновская Динского района, Александр Николаевич Ткачёв – станица Выселки.

Разные по характеру, возрасту, политической ориентации, деловой энергии, они, тем не менее, про школу свою родную всегда говорили и говорят с удивительной теплотой и искренностью. Более того, в их ближайшем окружении немало людей, прошедших через сельскую школу и тоже крепко стоящих на земле. Они хорошо знают, где находятся и чего стоят животворящие источники, прежде всего – крестьянский труд, и какова цена основы основ любой жизни – хлеба насущного, да не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Достаточно назвать широко известных в крае Джамбулата Хатуова, Галину Золину, Николая Долуду и, конечно же, Мурата Ахеджака, который одним из первых вошёл в команду губернатора Александра Николаевича Ткачёва.

Я позволил себе это отступление от основной сюжетной линии, чтобы ещё раз подчеркнуть очевидные кадровые закономерности, которые, конечно, формируются, прежде всего, по деловым признакам, но так уж получается, что точность попадания в таком тонком деле

чаще всего выпадает на людей, которые с малых лет были рядом с ней, землёй нашей, заботницей.

Мурат теплел и душой, и лицом, когда вспоминал о своей аульской школе, причём всегда с такой улыбкой, что лицо любого собеседника начинало светлеть и от собственных воспоминаний.

– Знаешь, – говорил он, – школа в моём сердце всегда как праздник, как некое пронзённое солнцем сияющее облако, сквозь которое я шагал десять беззаботных лет, и все десять – в окружении самых близких людей, друзей моих школьных...

Да и позже, будучи уже одним из руководящих персон Кубани, переступая порог родной школы, он тотчас превращался в того весёлого, вихрастого мальчишку, для которого всякий школьный день – это новое открытие на входе в волшебную страну под названием «Будущее».

Теплота родного очага

Родной аул для Мурата был целым миром. Тополиный лес отделял околицу от Кубани, а между ними тянулась старая дамба, защищавшая когда-то село от весенних наводнений. К началу его детства дамба уже потеряла свою актуальность, и поэтому детвора приспособила её под зимнюю горку, которая в воскресные дни оглушительно звенела ребячьими полными восторга голосами. Смех, визг, радостные вопли неодолимо стояли в морозном воздухе. На чём только не мчалась вниз отчаянная ребятня – на санках, досках, фанерных листах, кто-то ездил даже в старом бабушкином корыте. Дозваться, даже к обеду, Мурата было невозможно. Только к вечеру он возвращался домой во главе шумной ватаги. Распахнутое пальтишко, мокрая от пота ушанка, сияющие глаза и широкая белозубая улыбка на горящей от румянца мордуленции. Сердиться на него было абсолютно невозможно, особенно когда, скинув в прихожей шубейку, он обессиленно падал на стул и говорил с тяжёлым выдохом:

– Мамочка, если б ты знала, как я хочу есть!

Любой человек через всю жизнь проносит память о таких дивных вечерах, а Луиза Юсуфовна Ахеджак – так тем более. Она часто вспоминает, как сын с первых своих шагов заполнил её жизнь. Три дочери, родившиеся позже, тоже были любимыми, но он навсегда оставался самым близким, и не только потому, что первенец, а скорее потому, что подобрал те качества, которые определили его очевидное первенство, и не за счёт физической силы (на что мальчишки горазды), а благодаря тому уровню врождённой сердечности, которая вообще редка для лиц мужского пола.

– Каким бы уставшим ни был, обязательно спросит о других, – вспоминает Луиза Юсуфовна. – И никогда один не сядет за стол...

Вообще, размышляя о привычных для меня свойствах кавказского радушия, мало найти слова. Это надо видеть и чувствовать. Мурат, благодаря родителям, окружению, с ранних лет впитал обычаи и традиции, которыми славен любой адыгейский дом. Ну и, конечно, одна из запоминающихся незыблемых национальных традиций – это трапеза. Давайте назовём этот процесс именно таким ёмким русским словом, думаю, понятным всем. Может быть, несколько старомодным, но зато весьма выразительным для понимания уровня застольного общения, да и качества жизни тоже, прежде всего, градусом дружелюбия.

Вслушайтесь, как славно звучит – трапеза! То есть застолье во всём многообразии народного творчества. Всего, что касается кулинарии и расположенности сотрапезников друг к другу. Заметьте – очень важный элемент национальной культуры и при этом показатель прочности семейного уклада.

Девятиклассница Саида, пятиклассница Зарема, Замира (1 год), второкурсник Мурат с родителями. 1981 г.

Теплота родного очага тем и определяется: умением хозяйки дома накормить всех домашних сытно, вкусно и своевременно. Слава той стране, поскольку это уже было время, когда село наше зажило в обстановке мирного благополучия, и поколение Мурата не знало и доли тех бед, которые лютовали когда-то на сельских подворьях Кубани, от края и до края.

«Что и говорить! – смеётся Луиза. – Муратик любил покушать, хотя и не был избалованным и ел с удовольствием всё, что я готовила. Но и я старалась!

К его приходу всегда исходили жаром свежие лепёшки. Он обожал вареники с адыгейским сыром, жареную картошечку, непременно прямо с огня. А уж как любил шашлык из парной баранины! Тут уж сам возле мангала суетился, особенно когда студентом стал и с друзьями приезжал на каникулы. Там ведь все тонкости надо соблюдать – мясо правильно отбить, непременно деревянным молоточком, раствор из соли, чеснока и перца приготовить, которым поливают раскалённые шампуры, а потом зажаренные куски мяса слегка потушить в кастрюле. Но больше всего любил подавать на стол. Только картошку к шашлыку доверял готовить мне, сам же прямо сиял, когда восторженный хор встречал приготовленное нами блюдо. Там действительно было отчего прийти в восторг! Мурат любил национальную кухню, понимал в ней толк, особенно в четиципсе, круто сваренной кукурузной каше...

Казбек, первокурсник Мурат, Луиза Ахеджак (слева направо). 1979 г.

Живя в ауле, мы, естественно, приросли хозяйственным подворьем. Жизнью наученные, сложа руки не сидели, весной, летом и осенью – особенно. В просторном погребе всегда хранились следы довольствия от огорода и подворья – квашеная капуста, солёные помидоры, лук, чеснок, картошка, свёкла, морковь, капуста. Всё тугое, свежее... Бывало, и арбузы до Нового года лежали в соломке, я уже не говорю о фруктах. Да и коровы мычали, овцы бляели, а какой адыгейский двор без скота! Чуть свет, мы с мужем – не учителя, а скотоводы: я дою коров, он выгоняет их в стадо. Зато всё своё – сыр, масло, молочко, мясо свежее, экологически превосходное. Муратик часто приезжал домой с друзьями, шумной, весёлой студенческой компанией. Целует меня в щёку, а сам тихонько в ухо шепчет: „Мамочка, ты уж нас покорми... Мы ведь там, в Краснодаре, большие на пирожках да сосисках держимся...“ – Луиза вздыхает каким-то своим далёким думам. – Божже, какая радость была от тех наездов... Мы с отцом и глаз не могли оторвать от них, молодых, здоровых, весёлых, сверкающих юмором, шутками, дружескими подначками. И главный заводила среди них – наш сын... Такая отрада была! Время пролетало, а утром, глядишь, наспех позавтракали и снова, как вихрь, в путь. „Всё, тьян цык!у (милая мама), труба зовёт!“ – целует меня стремительно, и вот уже, как улетающий ветер...

Ему, да и всем нам, так драгоценны были те короткие наезды, так памятни... Я видела, что жизнь моего сына, словно тугой парус, наполняется ветром грядущих перемен, и вся моя суть пела от ощущения, что это самый родной человек, частица меня, дыхание моей души, биение моего сердца...

Наше поколение, – продолжает Луиза, – вступало в жизнь в обстановке всеобщей беды, шла Великая Отечественная война. Она быстро докатилась до наших благословенных краёв, поэтому мать свою я почти не помню. Мама погибла от разрыва авиабомбы. Это произошло в Краснодаре. День был ясный, казалось, ничто не предвещало беды. Села в трамвай, и вдруг тревожно завывли уличные сирены, предупреждая об авианалёте.

Немец тогда системно бомбил слабо защищенный южный город. Особенно целился по железной дороге, вокзалу и мосту через реку. Вот недавно снова нашли авиабомбу, семьдесят лет пролежала под опорами старого моста. Но не взрывавшихся бомб всё-таки было много меньше, чем взрывавшихся. Под одну из таких чудовищ и угодила моя мамочка. Испугавшись, она выскочила из трамвая, даже не дождавшись остановки, и, зацепившись поясом пальто, угодила под вагон...»

История любви

Даже сейчас, через бездну лет, вспоминая мать, Луиза не может сдержать волнения и рассказывает о ней, как о живом человеке. История любви её родителей, Юсуфа Уджуху и Самет Гучетль, заслуживает отдельного рассказа, настолько она необычна, тем более для тех времён, хотя бы потому, что это была любовь учителя и ученицы.

Когда в габукайской средней школе появился молодой педагог, никто и предположить не мог, что пройдёт немного времени, и весь аул станет с тревогой следить за историей, которая разыграется в стенах школы, когда учитель вдруг собрался жениться на четырнадцатилетней школьнице. Понятно, что местные обычаи предполагают подобные варианты – кавказские девочки рано взрослеют. Но одно дело – глухое средневековье, а совсем иное, когда звонкоголосая советская действительность диктует новые правила социалистического бракосочетания. В райкоме партии по этому поводу молодого учителя, что называется, потянули к ответу.

– А я её люблю! – таков был ответ Юсуфа. – И буду любить вечно...

Вообще не влюбиться в Самет было невозможно. Природа наградила её внешностью, словно выписанной кистью Мане. Матовое лицо с классическими линиями пермонтовской Бэлы, огромные глаза, роскошные волосы и стройная фигура многие мужские сердца заставляли биться тревожно.

Когда Самет шла по улице, люди невольно оборачивались ей вслед. А если ещё добавить, что при этом она оставалась удивительно доброжелательным и улыбчивым человеком, одарённым совершенным музыкальным слухом и хорошим голосом, то можно было понять молодого учителя, остановившего свой выбор на ней и преодолевшего, скажем прямо, немалое на пути к своему счастью.

Да вот на этом пути оказалось много сложностей, особенно в стремлении создать полноценную семью. Двое первых детей умерли в раннем возрасте, и только рождение Луизы, ясноглазой и живой, как ртуть, сменило грусть на надежду на то, что всё лучшее только начинается. Так наверняка и было бы, если бы не война...

– Осталась одна – отец на фронте!.. – Луиза говорит об этом спокойно, хотя я вижу, чего ей стоит невозмутимость.

Я знаю, кавказских женщин с детства приучают к сдержанности, все душевные бури им надо таить внутри. Но их глаза часто говорят о скрытой боли красноречивее, чем любой самый горький плач.

«Спрашиваете, почему мама оказалась в Краснодаре? Очень просто, она там училась на бухгалтерских курсах. Другого выхода не было, надо было получать какую-то профессию. Ей помогли поступить на эти курсы, тем более что папа оставил нам свой офицерский аттестат, по которому можно было получать продукты, но только в городе. Каждую неделю она возвращалась в аул, как правило, пешком, чтобы поддержать меня на руках, ещё грудную. Моей кормилицей была тогда тётя Цаца, у которой в то время тоже родился ребёнок – мой двоюродный брат Сагид. Но вот однажды мама не пришла, нет её одну неделю, другую... Стала закрадываться тревога – что-то случилось! Никакая сила не могла остановить Самет от встречи со своим дитём! – Луиза надолго замолчала, невидяще глядя в окно... – Словом, поехал в Краснодар её дядя по отцу, он и нашёл следы. Совершенно случайно, в таком же трамвае, услышал рассказ о молодой женщине, поразительной красавице, которую с восхищением рассматривал весь вагон, и надо же, именно она во время налёта погибла.

Исхак Гучетль, бабушка Мурата Самет Исмаиловна Уджуху, сосед Хусейн (слева направо)

Всё, что осталось от бедной Самет, нашли в городском морге, привезли в аул и под общие рыдания похоронили. Впрочем, тогда плакала вся страна, немец день и ночь бомбил город и всё, что вокруг. Ну а дальше уже началась жизнь без мамы... – Луиза прикрыла в задумчивости глаза. – Я её часто вспоминаю. Рисуя себе образ, поскольку ничего из той жизни практически не помню. Всё только по рассказам близких... Но мне кажется, что более всех от неё унаследовал Муратик. Такой же белозубый, такой же улыбчивый, так же вечно с гитарой в руках, всегда светящийся доброжелательностью. В детстве был ну прямо солнечным мальчиком, как и его бабушка! – Луиза помолчала, а потом, глядя в пространство, добавила: – И с такой же горькой судьбой...»

Так уж устроена человеческая память, что к старости она более высвечивает те периоды, когда жить было совсем непросто. Но молодость, как известно, многое компенсирует, сглаживает надеждой, уверенностью, что дальше будет лучше. Так, в общем-то, в конце концов, и стало.

Луиза с теплотой вспоминает шестидесятые годы, начало работы, формирование молодой семьи, домашнего быта. Всё благополучие добывалось собственными руками. Им тогда приходилось чаще работать в поле. Зарплата была небольшой, а потребности росли, поэтому ни один сельский педагог не чурался огорода, благо колхоз всячески помогал, особенно молодым учителям. В ту пору всероссийскую славу приобрели адыгейские овощи, особенно помидоры. Приходилось Луизе осваивать и это дело, благо муж, потомственный землепашец, усталости не ведал. Рано утром скот выгонит в стадо, потом бежит на уроки, а остаток дня, особенно в страдную пору, – огородные дела. Дети тоже, можно сказать, росли в борозде, с раннего возраста хорошо ведая, что такое лопата, тяпка, рассада, поливальный шланг. Излишек урожая везли на рынок, где овощи из Адыгеи разметали вмиг. Появились признаки первого благополучия, когда можно было уже купить хорошую одежду, прежде

всего – детям. Им же – главную отраду тех лет – велосипед, на котором сияющий от счастья Мурат летал по аулу и окрестностям, мебель в дом, такой желанный в ту пору телевизор.

Юсуф Уджуху, дед Мурата

Вспоминая с теплотой те годы, Луиза однажды начала говорить, что, пожалуй, только их поколение реально стало ощущать спокойствие и благополучие, установившиеся в стране.

«Ведь в нашей семье, как, впрочем, и во всех других, жертвенность становилась обычным делом, люди рождались под оружейную канонаду и погибали от неё, – рассказывала она, невидяще глядя в пространство, словно под грузом чего-то очень тяжёлого. – Не знали, в какую сторону бежать от горя, – продолжала она, – от лишений, страданий. Когда погибла мама, её мать, моя бабушка, в сущности, осталась совсем одна. Деда расстреляли ещё в Гражданскую. Поехал как-то в станицу Рязанскую, а туда налетели какие-то безумные каратели, устроили погром, в котором погибло множество людей. Так, ни за что ни про что... Тогда, говорят, это было обычным делом... – Луиза с горечью усмехнулась. – Помните, как в фильме „Чапаев“: „Белые приходят – грабят, красные, понимаешь, тоже грабят... Куда крестьянину податься?..“ Вот так дед и сгинул...»

Бабушка Фатимет Гучетль осталась жить со свекровью, она не могла её покинуть, старую, больную женщину, когда дети – сын и дочь – предлагали уехать, неизменно отвечала: „Не гневите Аллаха!“ Так и довела в полной справности дорогого человека до последнего часа, который провела, сидя у её изголовья с Кораном в руках.

Она вообще была редчайшей заботницей. Ей и только ей обязаны жизнью дети деверя (а их было пятеро). В год голодомора, когда люди падали от истощения прямо на улице, она уходила далеко-далеко от аула, бродила в одиночестве по степи, искала только ей известные коренья, выкапывала их и бережно несла домой, где на очаге готовила нечто похожее на пищу, в которой вкуса почти не было, но зато было то, что позволяло поддерживать детские жизни.

Это воистину была светлая и чистая душа, у которой сердобольность и добросердечие были главными качествами. Они и дали возможность всем им выжить в те страшные времена, когда на лицах детишек оставались только одни глаза. Любовь её к детям была неизмерима, и когда ребята подросли, наступила уже их пора заботы о Фатимет, что они посчитали своим святым долгом. Моя бабушка, – говорит Луиза, – после трагической смерти мужа так и не вышла замуж, хотя в молодости была ох, как хороша! Всё лучшее было отдано ею близким. Мурат очень внимательно проследил историю своих предков, особенно выделив Фатимет с её горькой судьбой. Я думаю, – продолжала Луиза, – что многие из тех рассказов он навсегда оставил в глубине своей души. Говорят, наша Зарема очень на прабабушку похожа. И характером, и внешностью... Вот только времена другие... Слава Аллаху, не такие жертвенные...»

Я отлично понимал, чего ей стоило произнести эти слова, тем более что доброта и доброжелательность были профилирующими качествами их рода, буквально пронизывающими каждое поколение, переходившими друг от друга, как завет от незабвенной Самет...

– Но, как видите, не пропала! – завершая тему, задумчиво усмехнулась Луиза. – Люди добрые всегда были рядом. Знаете, если я, полной мерой хлебнув горя, не погибла, не растворилась без остатка в океане бед, то только потому, что ещё большей мерой испробовала силу человеческого участия...

Как жить без Пушкина?

Вот это-то добро Луиза привнесла в свой дом, в свою школу, в которой проработала много-много лет. Она довольно рано вышла замуж, ещё в институте, в пору, когда с подачи советской прессы по всей стране шли жаркие молодёжные споры: кто важнее для страны – лирики или физики? Луиза относилась к ярко выраженным лирикам, поскольку в качестве будущей профессии выбрала литературу, более того – русскую литературу.

– В мировой культуре великая русская литература занимает совершенно особое место, – говорит она. – Вот недавно Владимир Владимирович Путин очень своевременно поправил наших горе-реформаторов, начавших переделку системы образования с наступления на словесность. Как тогда познавать жизнь без Толстого и Чехова, как расти без Куприна и Бунина, как существовать без опоры на Пушкина и Грибоедова, как шагать в будущее без Шолохова или Симонова, как преодолевать трудности без Шукшина и Распутина? Я горжусь тем, что мои дети выросли рядом с просторными полками домашней библиотеки, которую мы по крупицам собирали всей семьёй. Мурат, приезжая на каникулы, всегда привозил литературные новинки. А наша школьная библиотека – это всеобщая гордость и забота всего аула. Как бы ни продвинулась современная информатика, какими бы волшебными свойствами ни обладал компьютер, они никогда не заменят человеку ощущение бумаги, книжного томика с драгоценными текстами в руках. Я помню, как летом, валяясь в тени на травке, Мурат давился от хохота, открывая для себя короткие рассказы Чехова... Разве такое можно забыть, оно ведь на всю жизнь...

Луизу в Псейтук привёз муж Казбек, тот самый «физик», который сразу заприметил в коридоре Адыгейского пединститута густоволосую красивую девушку с огромными внимательными глазами. Он учился на физико-математическом факультете, был на два курса старше и имел репутацию серьёзного парня из древнего княжеского рода. Но это была известность больше формального свойства, поэтому супружеская пара молодых педагогов сразу внесла в атмосферу псейтукской средней школы скорее студенческую неугомонность, чем солидность родовых корней.

Школа была не только местом учёбы, она являлась центром общения, где у сельских мальчишек и девчонок выявлялись и воспитывались лучшие качества, особенно главное – стремление к созиданию.

Когда-то великий советский педагог Антон Макаренко написал замечательную, но, увы, прочно сегодня забытую книгу, которую назвал необычно: «Педагогическая поэма». Пожалуй, нигде образы советской педагогики, опозитизированные Макаренко, не воплотились с максимальной полнотой так, как в сельских школах, где понятие коллективной товарищеской сплочённости подогревалось постоянной житейской близостью.

Мурат с троюродным братом Аскером Схалыхо, который служил в десантных войсках. 1981 г.

Село – не город, тут все рядом, чаще встречаются, ходят по одним и тем же улицам, гуляют на одних праздниках, горюют по одним и тем же поводам. Родители вместе трудятся, дети в одних классах учатся. Словом, все друг друга знают и всё друг о друге тоже знают.

Аул Псейтук в этом плане – не исключение, а скорее, ещё большее правило, поскольку кавказские поселения всегда отличались тесными родственными связями, родовыми пересечениями, когда человеческая близость ещё более скрепляла коллективистские традиции и практически с рождения накладывала на людей ответственность за соблюдение лучших национальных обычаев. Всегда во главу угла ставились прежде всего общественные интересы, то есть интересы села, деревни, аула, а уже потом – каждого члена общества по отдельности.

Мурат эти правила впитал с рождения, и поэтому школа для него стала местом формирования характера, поступков, как школьных, так и последующих, прежде всего, пронизанных участием в судьбах окружающих его людей.

– Я ведь провела немало времени в большом городе, когда отец забрал меня в Горький, где служил после войны, – вспоминает Луиза, – но никогда не испытывала ощущения ущербности от того, что впоследствии переехала в село. И «зелёной лампой», что освещает судьбу каждого человека, для меня, конечно, стала Псейтукская школа, мой второй дом, место учёбы моих детей, в сущности, продолжение нашей большой и дружной семьи...

Слушать Луизу можно бесконечно. У неё есть удивительное свойство, присущее только опытным педагогам, людям, наделённым даром повествования: спокойный, обволакивающий сознание голос, великолепное знание методов общения, а самое важное – глубокое проникновение в суть предлагаемого рассказа, особенно когда перед тобой находится замерший в ожидании класс. А рассказ-то – о разбросанных щедрой рукой по российской истории ярких драгоценностях – писателях и поэтах, создававших произведения, на которые

столетиями опирались люди и во времена радости, и особенно – в период лихолетья. Нам сейчас так этого не хватает...

Дар общения

С её появлением в классе будто раздвигались вдруг стены, куда-то высоко в небеса уходила крыша, и начиналось чудо общения с бессмертными литературными образами, каждый из которых становился близким её слушателем, мальчишкам и девчонкам из адыгейского аула, прилепившегося к берегу самой южной российской реки. И уже слышен не шум закоренных тополей и птичий гам, а раздаётся звон мечей из «Слова о полку Игореве», грохот пушек Бородинской битвы, где сражались и погибали герои «Войны и мира». Ученики воочию видели, как метались в поисках выходов из житейских проблем персонажи Достоевского, страдала пушкинская Татьяна, взывал к торжеству справедливости Некрасов, горели в ночных лугах охотничьи костры Тургенева, беззаветно любила, а от этого ещё более страдала шолоховская Аксинья...

У Луизы Уджуху рано проявился учительский дар, в котором врождённое терпение и благоприобретённая мудрость слились однажды в единое качество, столь важное для настоящего, «штучного» педагога, коим она и являлась.

– В моём детстве развлечения были не столь многообразны, как сейчас, – вспоминает Луиза Юсуфовна, – и основной ребячьей отрадой становилось кино. Пойти с подружками в кинотеатр или клуб считалось большой удачей и радостью. И вот однажды, ещё в раннем детстве, я увидела фильм, который буквально потряс меня своей неизбывной чистотой и любовью к детям. Он назывался «Сельская учительница», и играла там великая актриса Вера Марецкая. Потом я узнала, что снял его не менее крупный кинорежиссёр Марк Донской. Образ сельской учительницы и те коллизии, которые происходили по сюжету, пробудили во мне огромное желание повторить подобную судьбу...

Луиза Ахеджак её, кстати, не только повторила, но и преумножила. Более тридцати лет верно и последовательно служила выбранной однажды и навсегда профессии. Она одна из немногих удостоена высшей награды республики – медали «Слава Адыгеи». Была в своей школе и завучем, и даже пару лет директором. Её труд отмечен многими грамотами, званием «Отличник просвещения РФ».

Но самая главная её награда – её ученики, сотни мальчишек и девчонок, для которых огромный и прекрасный мир литературы и словесности открывала она, простая сельская учительница. Её собственные дети – Мурат, Саида, Зарема и Замира – учителями не стали, но через всю жизнь пронесли огромное уважение к учительскому труду, тем более что и отец их, Казбек Исмаилович, преподаватель математики, всегда утверждал и словом, и делом, что великая наука математика, скрепляя мир строгими законами и железной логикой формул, заставляет человека искать и находить наиболее верные пути к прогрессу и созиданию.

Мурат в студенческие годы. 1980 г.

– В какую сторону ни пойдёшь, везде упруешься в математику! – говорил он сыну.

У Мурата не было проблемы выбора между точными и гуманитарными предметами. С первого класса, куда он, семилетний, бежал, что называется, вприпрыжку, учился легко и с удовольствием. Зубрилой уж точно не был, но в каждом предмете, будь то химия, физика или биология, находил для себя особые причины увлечённости. Например, прочно позабытая сегодня география стала для него не просто предметом школьной программы. Для Мурата она была серебряным ключом, с помощью которого он открывал своему неуёмному сердцу огромный мир страны и планеты, в который всегда готов был погрузиться без остатка.

Ему было интересно всё, и самым большим увлечением ещё в младших классах стали путешествия по карте. Одноклассники подчас с открытым ртом слушали его рассказы о великих открытиях и путешествиях, о борьбе и преодолении людьми трудностей с целью освоения немереного земного пространства. С указкой в руке он с лёгкостью «мчался» по Транссибирской магистрали, без запинки называл города и области, нанизанные на великий рукотворный железный путь от центра государства и до самого его края, от Москвы и до Владивостока, и повествовал с таким жаром и увлечённостью, словно сам преодолел ту дорогу множество раз.

Поскольку очень любил Чехова, то старался, например, понять, почему известный всей России писатель, успешный и к той поре уже вполне материально благополучный человек, вдруг бросает всё и едет на Сахалин, суровый остров в не менее суровом море, который в империи иначе как общероссийским острогом и не называли. Учителя удивлялись способности этого мальчишки (такого, как и все, живого и крикливого на футбольном поле) сосредоточенно анализировать события и факты, причём не только в их хронологической последовательности, но и в исторической взаимосвязи. Его ответы на уроке подчас удивляли учителей, поскольку были неожиданны в своих предположениях и выводах, а главное – в них совсем не по-детски переплетались частности с общими тенденциями. Часто слово «почему?» становилось для него ключевым, особенно когда он погружался в книги литературных мыслителей, и стало ещё более важным, когда однажды Мурат прикоснулся к великой книге – Корану...

Мурат и его команда

Ещё в раннем детстве, когда бабушка Мелеч начинала читать Коран, он внимательно вслушивался в ритмику малопонятных слов и просил её перевести их на адыгейский язык. В советское время государственные атеистические барьеры довольно прочно отделяли молодёжь от религии, но Мурат (безусловно, погружённый в существовавшую действительность) никогда не ставил под сомнение вещие мысли Корана и как-то однажды, вслушиваясь в мелодию его формулировок, осторожно тронув бабушку за рукав, тихо промолвил:

– Нана, как мудро и свято звучит эта книга! Как многому хорошему она может научить каждого...

Уже позже, в тяжкие периоды болезни, он чаще всего вспоминал школу. Тогда казалось, что жизнь не имела и не будет иметь тёмных или полутёмных тонов, тем более что с кипучестью своей натуры он уже с первых классов становился безусловным флагоносцем. Причём не формальным, не назначенным кем-то сверху, а тем самым вожаком, которого ребячья среда всегда определяет практически безошибочно. Да и педагоги сразу заметили, что в этом мальчике заложены не просто активные лидирующие качества, когда, скажем, очень хочется быть впереди ватаги, дабы направить её действия, прежде всего, на укрепление амбиций вожака (нередко не самого лучшего свойства), а задатки настоящего лидера, смелого, но разумного и всё понимающего.

Мурат с однокурсником Сергеем Кириченко. 1981 г.

С первых школьных дней Мурат занимает место ярко выраженного коллективиста. Это когда лидер – основной «заботник» обо всех. Его охотно и единогласно избирали старостой класса, председателем совета пионерской дружины, секретарём комитета комсомола школы.

Именно коллектив становился его стихией, средой выявления лучших человеческих качеств, а из них самое заметное – доброжелательность ко всем, кто его окружал. В ребячьей среде есть такое хорошее понятие – заводила. Он и был тем самым заводилой, заводным, от которого во все стороны шли «приводные ремни» добрых дел, будь то подготовка новогоднего вечера или сооружение птичьих кормушек, организация конкурса стенных газет или тимуровского движения. Ещё в ранние годы, перечитав лучшие книги почти всех детских писателей, Мурат более всего выделил Аркадия Гайдара с его «Школой» и «Тимуром и его командой», настольную книгу мальчишек и девчонок тридцатых годов, которые брали под опеку пожилых людей, ветеранов Гражданской войны, больных, одиноких, немощных. Как и в те далёкие предвоенные годы, псейтукская ребятня по звонкоголосой команде Мурата разбегалась по дворам и подворьям, колола дрова, помогала кормить домашний скот и птицу, таскала воду, наводила порядок в доме, приносила старикам лекарства и хлеб.

Особой заботой окружались ветераны Великой Отечественной войны, те, кто прошёл фронт, защищал страну от врага. Мурат очень гордился тем, что его дед (Юсуф Исмаилович Уджуху) был фронтовым офицером, всю войну провёл на передовой, имел боевые награды. Не случайно самые памятные встречи в школе были посвящены как раз ветеранам войны, которых с каждым последующим годом становилось всё меньше и меньше.

Мамаев курган

Маленький аул Псейтук не избежал большой войны, и когда по весне на юннатских делянках школьники перекапывали землю под будущие урожаи, то лопаты всегда натывались на ржавое и зазубренное железо – осколки снарядов и мин. Через аул проходила линия немецкой обороны, заранее укрепленная, ошетилившаяся долговременными огневыми точками, вкопанными в берег танками и орудиями. Десятки советских солдат погибли здесь при прорыве фашистских укреплений. Армия пошла вперёд, а могилы павших долгое время были разбросаны по полям сражений. Впоследствии было принято решение о торжественном перезахоронении останков советских воинов, и это событие стало ещё одним доказательством национального единства, фактом единой скорби людей всей округи. На свежий земляной холм яркой грудой ложатся весенние цветы...

«Помню это так хорошо, словно всё произошло вчера, – говорит Луиза. – Я не могла сдержать слёз, вспомнив маму, погибшую от фашистской авиабомбы совсем юной. Представляете, в двадцать лет! Для Мурата она была бабушкой. Бабушкой, которую он никогда не видел, но всегда ощущал через рассказы о ней её присутствие. Его цветы легли на общую клумбу над свежей могилой. Он подошёл тогда ко мне, обнял, смахнул ладонью мои слёзы и сказал:

– Это цветы, мамочка, незабываемой Самет, твоей маме, всем матерям, отцам, детям, погибшим на той проклятой войне...

В какое-то время нам с отцом стало казаться, что Муратик станет военным, – Луиза чуть задумалась, – как его дед, мой отец... Ему многое нравилось в армейской жизни. Прежде всего – товарищество, порядок. Он с огромным удовольствием смотрел фильмы об армии, особенно киноэпопею „Освобождение“, а на уроках военного дела за секунды разбирает автомат, дальше всех швырял учебную гранату, быстрее всех бежал кроссы.

Но особым потрясением для него стала поездка всем классом в Волгоград, состоявшаяся во время весенних каникул. Тогда практиковалась широкая экскурсионная программа для школьников, которая знакомила подрастающее поколение с крупными городами и памятными достопримечательностями нашей страны. И вот десятый, выпускной класс в полном составе едет в легендарный город, где в середине войны решалась судьба государства.

Десятиклассник Мурат. 1979 г.

Муратик вернулся буквально потрясённый не только впечатлениями от рассказов о Сталинградском сражении, но и от величественных памятников, и самого главного, венчающего вершину Мамаева кургана, – „Родина-мать“.

– Знаешь, мама! – рассказывал он по приезду. – Когда поднимаешься по гранитным ступенькам к пантеону с Вечным огнём, то кажется, сердце выскочит из груди от ощущения скорби и гордости... Только там начинаешь ощущать, какую гигантскую цену заплатил наш народ за свою свободу и независимость...

– Он ведь позже, когда уже работал в краевом правительстве, – продолжает Луиза, – всегда оставался под впечатлением от той волгоградской поездки и очень много сделал,

чтобы привести в порядок памятники воинам на Кубани, где в течение полутора лет шла испепеляющая война...

Уже после кончины Мурата мы с Леной и внуками решили поехать в Волгоград – Лена настояла. Когда поднимались к памятникам, так остро вспомнили о дорогом для нас Муратике. Лена рассказывала, что когда они познакомились, он нередко делился с ней своими впечатлениями, подробно рассказывал о посещении Мамаева кургана, восхищался величественными монументами, венчающими мемориальный комплекс.

– Я ведь по профессии – строитель, – говорил он, – и представляю, какая это невероятная сложность – соорудить такую скульптуру как „Родина-мать“, какие уникальные инженерские решения надо принять и исполнить, чтобы навечно взметнулся над необозримыми волжскими просторами исполинский меч в руках каменной женщины, замершей в стремительном порыве...

И вот мы идём тем же путём, по которому когда-то шёл наш сын, муж и отец, и с трудом сдерживаем бурю самых сложных чувств. Поднимаемся по гранитной тропе, вдоль которой под скромными плитами лежат те, чьи имена золотом высечены в нашей многострадальной истории: командующие Сталинградскими армиями маршал В.И. Чуйков и генерал М.С. Шумилов, другие герои, павшие на этих склонах.

И к той вселенской скорби, которая посещала любого человека, ступившего на эту землю, добавляется и наше личное горе. Я долго держалась, подавляя в себе глухие рыдания, пока не увидела скульптуру скорбящей матери с умирающим на руках сыном, и тогда не выдержала. Как-то всё сразу сошлось в одном, мы плакали, обнявшись с невесткой... Да, я потеряла сына через много лет после той войны, но я ни на секунду не сомневаюсь, что, случись подобное сегодня, Мурат, не задумываясь, встал бы в ратный строй, ибо дороже Родины, России, для него ничего не было.

– Так надо, мама! – сказал бы негромко и пошёл туда, где, как считал, он сейчас нужнее... Он вообще был человеком долга...»

Кончик иглы

Вспоминая о Мурате, Луиза всегда говорит о нём, как о живом человеке, потому как представить их дом в ауле без Мурата просто невозможно или очень трудно... Он родился в год Тигра. Несмотря на этот более чем грозный символ гороскопа, в тот год рождались люди чувствительные, добродетельные, пользующиеся всеобщим уважением, но одновременно мужественные. К тому же мужчины, родившиеся под созвездием Рака (а Мурат был именно Раком), были очень миролюбивы. Это было его созвездие.

Память, что выхватывает из ушедшего отдельные фрагменты, как раз и подчёркивает, что Мурат в любом возрасте был удивительно многообразной личностью, в которой природная, «надиктованная» откуда-то сверху любознательность была профилирующим качеством, даже когда дело было совсем не мужского свойства. Особенно для кавказца, всегда предпочитавшего блеск родового кинжала острому кончику бытовой швейной иглы. Родным всегда было очень забавно смотреть, как, склонив взлохмаченную голову, он сосредоточенно крутил ручку швейной машинки, помогая бабушке Мелеч в её рукоделии.

Нана (по-адыгейски – «бабушка») была искусной мастерицей, и в её руках всё, как говорится, горело. Мурат внимательно наблюдал за тем, как из куска неподатливой ткани возникало вдруг изделие – мужская рубашка, например. Особенно он хотел узнать, каким образом нана выверенными тонкими движениями раскраивает ткань, не сделав ни единого лишнего движения, ни одной ошибки. Все куски и кусочки материи находят своё место и превращаются в модное платье или добротное пальто.

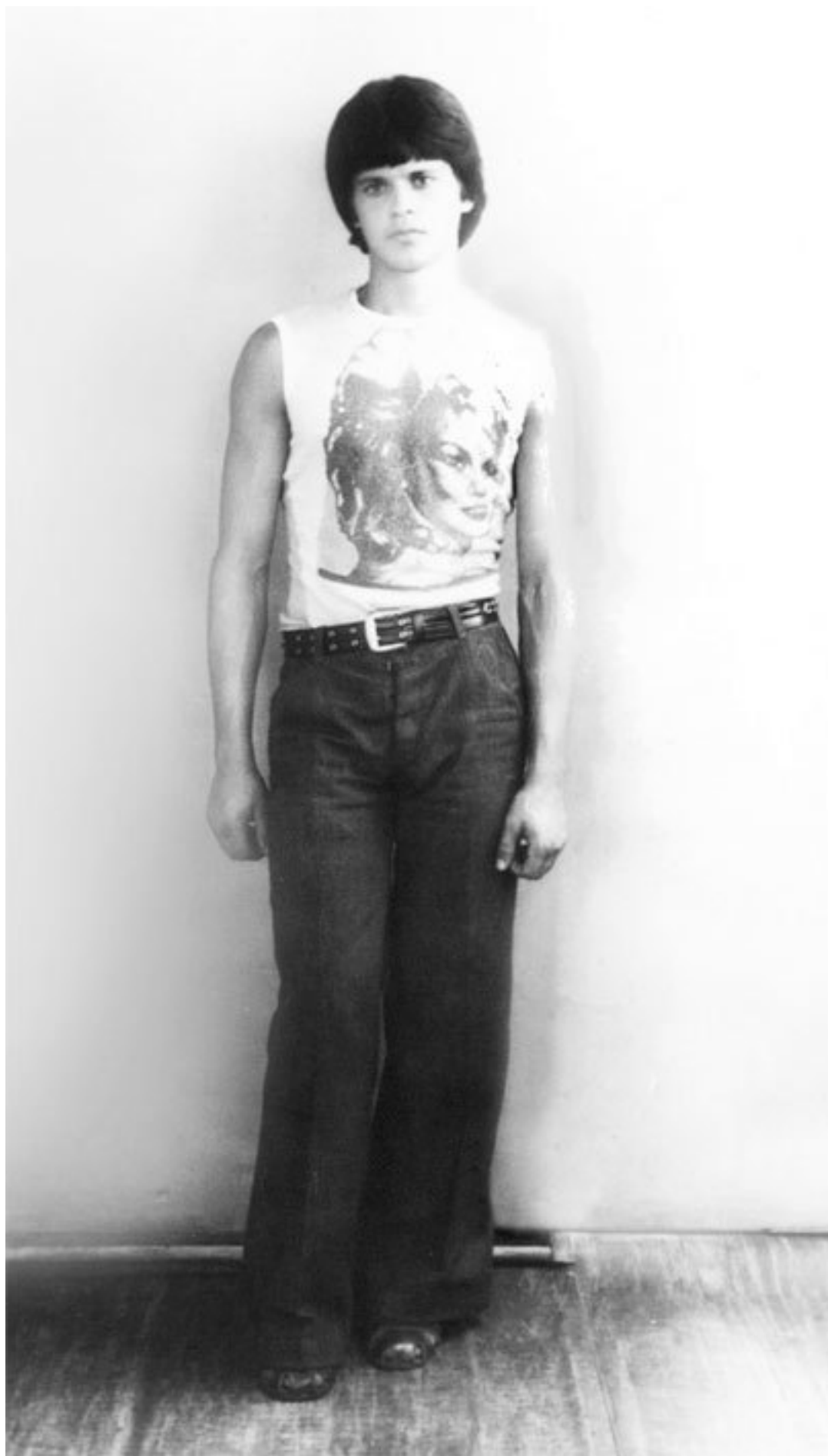

Второкурсник Мурат. 1980 г.

– А это как раз тот случай, когда нужно семь раз отмерить, а один отрезать! – говорила бабушка, не без удивления обнаружив у родного внука неподдельный интерес к самому процессу шитья. – Запомни, Муратик! – говорила она ему. – Всё, что ты научишься делать руками, у тебя никто и никогда не отнимет. Это будет твоим на всю жизнь... Умеешь ли ты шить, выделывать кожи, подковывать коня, выращивать скот, строить дома, лить металл, плести корзины для урожая – всё это будет твоим достоинством, по которому тебя люди станут оценивать. Почитай Тембота Керашева, как хорошо он пишет о наших с тобой предках, которые умели делать всё... А ведь тогда таких машинок не было, – бабушка клала одну руку на голову внука, а второй поправляла иглу. – А вот строчка должна быть натянута, как струна! – говорила Мелеч. – Тонкая и ровная. А она у тебя, гляди, рыщет, как заблудившаяся овца... Привыкай делать всё на отлично... Я в какой-то книге прочитала, – продолжала

бабушка, – что знаменитый конструктор самолётов Туполев сказал однажды, что если ты что-то делаешь быстро, но плохо, все сразу забудут, что ты работаешь быстро, но долго будут помнить, что ты делаешь это плохо. Но если ты старался, и хоть трудился долго, но выполнил работу с блеском, все забудут, что это было долго, но запомнят, что делаешь ты всё очень хорошо... И тогда тебе цены не будет!

Мурат с раннего детства отличался тем, что быстро и глубоко впитывал полезные советы, в том числе и бабушкины. Когда в школе проходили какие-то, как тогда говорили, «трудовые десанты» (а он всегда был в центре событий), послеzimние ли субботники или встреча весны, а чаще – уборка классов, он всегда заранее продумывал каждую деталь, старался не упустить ни единой мелочи.

Мурат в 10 классе. 1979 г.

Если это было развешивание скворечников, то все заранее знали, на каких деревьях эти скворечники надо повесить – подальше от домашних дымных труб, поближе к вскопанным огородам, на такой высоте, чтобы кошки не залезли, и чтобы от птенцов до кормовой базы скворцам было недалеко летать. Если это была уборка классов, то заранее было припасено всё: вёдра, тряпки, швабры.

В ту пору в его школьном библиотечном формуляре можно было увидеть имена замечательных писателей, знавших и воспевавших природу, – Виталия Бианки, Константина Паустовского, Михаила Пришвина. Особенно Мурата увлекал Пришвин с его удивительной книгой «Кладовая солнца». Может быть, поэтому Мурат всегда трепетно относился ко всему, что касалось природы, особенно родного края. Это и запахи клейких тополиных листочков, набирающих силу после зимней спячки, и пулёмтная дробь дятла в старой роще, будоражащая слух, и волнующий сердце журавлиный клин в бездонном осеннем небе, и воробьиные схватки возле старой конюшни... Всё это вызывало ощущение созвучия с мыслями и чувствами поэтов и мудрецов, оставившими глубокий след в его душе. В том числе и по этой причине Мурат часто, особенно во время болезни, приезжал в Псейтук, бродил дальними полями, вслушивался в тишину просыпающихся полей, наслаждался по утрам петушиными криками, извещавшими о том, что вот и пришёл он, новый день с очередными заботами, с новыми ощущениями, новыми радостями и – увы! – новыми горестями.

Когда в седьмом классе заболел и внезапно скончался его одноклассник Юра Хушт, Мурат пережил, пожалуй, первое в жизни серьёзное потрясение. Юра воспитывался в семье дяди, поскольку родители его развелись и жили отдельно. Мурат, которого судьба одарила замечательной и крепкой семьёй, долго не мог понять, почему его друг не может вот так, как он, прийти домой с ощущением неизбывной сердечности. Родственники к Юре относились хорошо, но кто может ребёнку заменить родителей?

Этот вопрос сын иногда задавал Луизе, особенно когда они вместе возвращались из школы и говорили обо всём, в том числе и об этом. Луиза, как могла, осторожно и деликатно пыталась объяснить сыну о неких превратностях судьбы, когда не всё получается так гармонично, как хотелось бы. Мурат, привыкший к практически идеальной семейной гармонии и считавший, что так должно быть всегда и везде, примолкал, но душа его (в отличие от сознания) так и не смирилась с теми житейскими коллизиями, которые подчас разрушают семейные союзы. Когда умер Юра, он долго не мог смириться с той несправедливостью, которая оборвала и без того, как он считал, не очень счастливую жизнь.

Но прошло немного времени, и следующий удар снова обрушился на класс – умер от онкологического заболевания Казбек Натхо, красивый, очень добрый юноша. Горе неизбывное для всех! Мурат уже тогда много сделал, чтобы память об ушедших ребятах никогда не угасала в сердцах одноклассников. Их могилы были всегда ухожены, в семье Натхо ребята были частыми гостями, всегда с подарками, любовью и вниманием.

И где тогда найти ту грань, что разделяла школу и семью? Сам Мурат никогда её и не искал, считал, что грани такой и быть не может, поскольку это один организм, единый источник, откуда человек должен черпать лучшее. Но слияние этих двух жизненно важных элементов, как подчёркивал впоследствии Мурат, возможно только в случае семейной гармонии во всех поколениях, как, в сущности, и было в судьбе и традициях большой семьи Ахеджаков и Уджуху.

Труба зовёт

Адыгейская семья – это почти всегда сильное дерево с многочисленными ответвлениями, но единым стволом и крепкой корневой системой. Исторические пространства этого народа воистину бескрайни, но чтобы понять, что это за этнос, достаточно прикоснуться к старинным сказаниям, где содержится великое многообразие песен о труде, созидании, рукодельном мастерстве. Я как-то заглянул в сборник фольклорных песен адыгов и ахнул – на все случаи трудового процесса у них есть своя песенная баллада. Тут песни и пахарей, и косарей, и погонщиков волов при молотье, и чесальщиц шерсти, песни при прополке и очистке кукурузы, аробные, мельничные, кузнечные, пастушьи. А ещё молитвенные, вызывающие дождь, ограждающие от снежных лавин, наводнений, лесных пожаров...

Дед Мурата Юсуф Исмаилович Уджуху и прабабушка Гошехурай Соофижевна Уджуху на отдыхе. Горячий Ключ, 1950 г.

Сразу видно, что это за люди, у которых вопреки распространённому мнению об избыточной воинственности (когда, казалось, кроме привязанности к оружию, ничего другого и нет) есть и иное – более важное. А как это разглядеть, если даже великий Михаил Лермонтов воскликнул однажды победительно, глядя на кинжал, взятый с убитого черкеса, а теперь «золотой игрушкой» блестящий на стене, «бесславный и безвредный»:

*Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй,
Никто с усердьем не читает...*

Да простит меня Господь за возражения классикам, но больше (во всяком случае, не меньше) у горцев почитались не кинжал и сабля, а плут, мотыга, жернова, каменные крупорушки, лесорубные топоры и каменотёсные инструменты. Почитаешь романы Машбаша – и ещё раз убедишься, что тягловые волы у адыгов ценились не ниже, чем ездовые скакуны, а боевая сабля шла наравне с кузнечным горном.

Я думаю, даже сегодня ни единую адыгейскую семью, особенно сельскую, невозможно выдернуть из исторического контекста, а уж тем более такую, как Ахеджаки и Уджуху, имеющие длинную родовую летопись. Им, как двум горным ручьям, суждено было слиться в единый поток благодаря брачному союзу Казбека Ахеджака и Луизы Уджуху, родившейся тоже в ауле, и тоже небольшом, – ауле Габукай Теучежского района.

С этим местом связана практически вся жизнь рода Уджуху – и горести, и радости, и становление большой семьи. Здесь родились отец и мать Луизы, здесь так счастливо зарождался их сердечный союз, и здесь так трагически всё закончилось.

Юсуф, несмотря на то, что окончил педучилище и учительский институт в Краснодаре, недолго был учителем – ушёл всё-таки из школы. Время было тревожное, Германия лязгала оружием, горела земля Испании. Молодая советская республика, которой со всех сторон угрожали европейские мастодонты, формируя Красную армию, делала ставку на новые поколения, на молодёжь, охваченную патриотическим энтузиазмом. Во всех источниках информации звучали тогда призывы: «Комсомол – на самолёт!», «Красный флот ждёт молодых романтиков!», «Комсомол – Красной армии!».

Первокурсница Луиза Ахеджак. 1959 г.

Дедушка Мурата Юсуф Уджуху. г. Горький, 1958 г.

Боевая Труба позвала и Юсуфа. В год рождения дочери он поступает в Бобруйское пехотное училище и буквально за несколько дней до начала войны, 10 июня 1941 года, получает звание лейтенанта и диплом с отличием. Через несколько дней он уже командир взвода 1136-го стрелкового полка 155-й дивизии, которая дислоцируется на Западной границе. Время было тревожное, и даже домой не успел заехать молодой лейтенант. А в ночь летнего противостояния полк разбудили первые выстрелы. Это они, юные лейтенанты сорок первого, сердцем своим закрыли ещё спящую страну...

Из трёх братьев Уджуху – Рашида, Адылгирея и Юсуфа – раньше всех в армию ушёл самый младший – Юсуф. Он стал одним из первых советских офицеров-адыгов, и его личная судьба на долгие годы переплелась с ратной судьбой отечества, которому он был верен до последнего своего часа, отдав армии почти тридцать лет жизни. С первых минут войны как кадровый военный сразу вступил в бой. Испытал всё – отступление, окружение, отчаянные рукопашные схватки при прорыве вражеских цепей, гибель боевых друзей, горькие вести

из дома. Все фронтовые испытания – всё, кроме плена. А вот старший брат – Рашид – в плену побывал, прошёл все круги лагерного ада. Когда вернулся домой, трудился в местном колхозе, но прожил недолго.

Но самая трагическая судьба выпала на долю среднего – Адылгирея. Он увлекался поэзией, как журналист принимал активное участие в организации первых поэтических вечеров в Майкопе, слыл творческой, одарённой личностью. Адылгирей ушёл на фронт добровольно. Ему казалось, что он не может быть в стороне, когда народ воюет, когда братья уже в боевом строю, когда трагически гибнут безвинные души – юная невестка, прежде всего...

Когда погибла Самет, трёхлетняя Луиза, в сущности, осталась сиротой, поскольку отец, воевавший на Западном фронте, в любой момент мог сгореть в пламени страшных боёв – армия ещё отступала. Крохотной девчужке трудно было понять, что мамы уже нет, но рассказы о ней стали заполнять её маленький мир, в который с испепеляющей жестокостью ворвалась война, вот так сразу отняв и мать, и лишив на долгие годы отца.

Юсуф Уджуху был трижды ранен, однажды – очень тяжело, но всякий раз после госпиталя возвращался на фронт. Последнее его сражение, упорное и жестокое, состоялось под Кёнигсбергом, под крепостными стенами старой прусской столицы, которую немцы защищали с упорством маньяков.

У него было несколько боевых орденов и особо почётная для адыга медаль – «За оборону Москвы». Военная судьба бросала его в разные места, все одинаково опасные, но эта судьба, словно услышав материнские молитвы, в конце концов, пощадила его.

В Габукай с фронта редко приходили письма, свёрнутые нехитрым солдатским способом – треугольником, но если приходили, то откуда – никто не ведал. Номер полевой почты – и всё! И только после 9 мая стало ясно, какие дороги пришлось пройти Юсуфу, прежде чем он добрался до родного дома.

Луиза рано узнала, что её отец – военный, и всегда с гордостью рассматривала фронтовую фотографию, на которой папа – в форме офицера. А вот от мамы остался только неясный снимок, с которого застенчиво улыбалась ослепительно красивая девушка...

Сказки бабушки Гошехурай

– Что хорошо помню, – рассказывает Луиза, – так это рассказы старших о моей маме, особенно истории бабушки по отцу, Гошехурай, и её дочери, тёти Цацы, моей кормилицы. Говорили, что Самет была удивительно живой, доброй, с сияющими счастливыми глазами, к тому же Аллах наградил её замечательным голосом. Она часто пела мелодичные песни, которые слышала во время радиопередач и запоминала на слух. Аульчане ещё долгие годы вспоминали её, искренне оплакивая. Я помню, как в детстве часто ловила на себе жалостливые взгляды соседей, которые заранее считали меня круглой сиротой. Так вполне могло быть, поскольку после очередного госпиталя папа снова и снова возвращался на фронт...

Но если говорить откровенно, Луиза никогда не ощущала себя потерянной, а уж тем более – лишённой заботы. Мать и отца ей заменила бабушка, та самая Гошехурай, и её дочь Цаца, которые сделали всё возможное, чтобы маленькое дитя как можно быстрее вышло из ощущения сиротства. Она постоянно была окружена семейной любовью и опекой. Луиза росла вместе с сыном Цацы, своим двоюродным братом Сагидом Пшимафовичем Катбамбетовым. Они и теперь, когда Сагид уже стал уважаемым человеком, опытным инженером-механиком, главой семьи и отцом троих детей, продолжают дружить семьями. Ведь несмотря на техническую профессию, Сагид продолжал, как в детстве, увлекаться поэзией, помня наизусть многие стихи Пушкина, Лермонтова, Маршака, Теучежа... И это было, несомненно, влияние их родной бабушки, по тем временам – уникального человека, одной из самых образованных женщин довоенной Адыгеи. Не секрет, что в ту пору коренное сельское население только постигало азы грамотности. Юная Гошехурай, как губка, впитывала в себя поток знаний, которые несло в далёкие аулы новое время. Поэтому именно книга стала её постоянным спутником...

– Она и Цаца были самыми начитанными людьми из тех, кого я когда-либо встречала, – вспоминает Луиза. – Уже потом, много лет спустя, и Муратик завороченно слушал бабушкины рассказы. Гошехурай знала множество сказок и народных сказаний. Мало того, она доносила их до слушателя столь проникновенно, что оторваться от этих рассказов было невозможно. Вечерами, когда мы гостили у бабушки Гошехурай, Муратик пристраивался рядом на диване и, затаив дыхание, слушал. Иногда только спрашивал: «Наночка, а дальше что было с этим Былагъуц?» Былагъуц – герой бабушкиного повествования...

Одолев всю аульскую библиотеку, Гошехурай пошла дальше. Друзья Адылгирея открыли для неё абонемент в областном центре и присылали в аул книги, причём рядом с новинками всегда шли произведения адыгейских писателей на родном языке. Она владела им в совершенстве, прививая и внукам любовь к родному языку, а заодно и уважение к национальным обычаям и традициям, прежде всего – почтение к старшим и любовь труду.

Гошехурай была великой труженицей, и жизнь словно испытывала её на крепость. Кто знает, что бы случилось с Луизой, не будь у неё такой бабушки. Только перенесла смерть любимой невестки, как новое горе обрушилось на неё – в Курском сражении гибнет Адылгирей. Его пронзительные стихи о Родине, мужестве и отваге были не просто громким звуком, они были его путеводной звездой по жизни.

Он погиб летом 1943 года в самом страшном сражении, в котором, по сути, окончательно хрустнул хребет ненавистного врага. Гибель Адылгирея, казалось, окончательно сломила мать, она часто уходила за околицу аула, смотрела в ту сторону, где грохотала война, и просила Аллаха, чтоб он сохранил жизнь её оставшимся сыновьям. И Аллах её услышал... Он же прикрыл своей заботливой рукой и маленькую Луизу. Девочка росла живой, любознательной. Её голос, как звонкий колокольчик, возвращал Гошехурай к жизни, заставлял думать о будущем...

Друзья сына никогда не забывали бабушку, часто приезжали в аул. Уже став большими людьми, писателями, и Паранук, и Тлюстен, и особенно Киримизе Жане, работавший долгое время председателем Адыгейского радиокомитета, всегда находили время, чтобы повидаться с матерью погибшего друга. Они оставляли ей свои произведения, считая, что лучшего советчика и более взыскательного критика, чем Гошерухай, найти трудно. Это действительно было так! Любую книгу она читала внимательно, скрупулезно вникая не только в суть повествования, но и в язык изложения, считая, что чистота и ясность литературного языка – то одно из основных условий проникновения в читательское сердце...

Среда воспитания

– Вольно или невольно, – вспоминает Луиза, – я росла в мире Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Тургенева, Есенина, Керашева, первого среди адыгейских писателей лауреата Сталинской премии, в сущности, основателя нашей национальной литературы. С детства меня окружали литературные герои, и, скорее всего, поэтому я и выбрала свою профессию. Скажу больше, бабушка Гошехурай всегда говорила, что не читающий человек навсегда обрекает себя не только на житейскую слепоту, но и на духовные костыли...

Мурат не просто рос в мире бабушкиных рассказов, с ранних лет он не мыслил себя без книги, что в школе, что в институте, всегда помня мудрые наставления Гошехурай:

– Запомни, внук, литературные гиганты ответят на любой вопрос, который перед тобой поставит жизнь... И совсем не важно, какой профессией ты овладел – стал инженером, математиком, врачом, агрономом, лётчиком или учителем.

Как-то в разговоре с мамой сын обратил внимание на то, что «под крылом» писательства, единственного, в сущности, духовного промысла, собираются люди самых неожиданных профессий: А. Чехов и В. Вересаев – врачи, Л. Толстой – артиллерист, М. Лермонтов – кавалерийский офицер, А. Куприн – пехотный офицер, Антуан де Сент-Экзюпери – лётчик, И. Бунин – недоучившийся гимназист, П. Бажов – учитель, С. Залыгин – гидротехник, К. Симонов и В. Распутин – журналисты, В. Высоцкий и Л. Филатов – актёры, Джек Лондон – путешественник. Словом, литературный талант однажды выводит одарённого человека на творческую тропу, по которой он идёт, озаряя путь не только силой своего вдохновения, но и всем предшествующим этому жизненным опытом, как правило, уникальным.

Мне до сих пор кажется, что Мурат Ахеджак склонен был попробовать себя в чём-то таком же, поскольку однажды охотно откликнулся на моё предложение поступить на заочное отделение факультета журналистики, который я тогда возглавлял. Он не ссылся привычно на занятость (а она у вице-губернатора, что называется, «по гланды»), понимая, что руководство сферой средств массовой информации требует и специальных знаний в том числе. И вообще, по большому счёту, он старался свою гуманитарную составляющую включать в анализ текущих процессов: общественных, политических, экологических, национальных, но прежде всего – общечеловеческих.

Я тогда не знал, откуда это у него, в общем-то, совсем молодого человека, прошедшего классический путь – детство в благополучной семье, сельская школа, пусть даже с золотой медалью, политехнический институт, строительное производство в небольшом городе, а затем стремительное продвижение на высшие посты в губернаторскую команду. Потом уже понял – природная одарённость у него с ранних лет была тесно совмещена с уникальной воспитательной средой, в которой опора на высокие духовные ценности являлась магистральной линией, где каждый был личностью, отдававшей делу и семье самые благородные качества.

Мурат из этого не потерял ни единого золотника. Увы, короткая до боли жизнь не позволила ему раскрыться полностью. И кто знает, возможно, доживи он до седин, мы бы, скорее всего, имели крупного летописца очень сложной эпохи, когда, надо признать, переход из одной общественно-политической формации в другую шёл трудно, но без крови, как это обычно происходило в нашей многострадальной истории. Заметьте, впервые без большой крови...

Безусловно, огромное влияние на формирование мировоззрения внука оказал дед – Юсуф Исмаилович Уджуху. После войны его оставляют в армии, рассматривая как перспективного, энергичного офицера, имеющего не только боевой опыт, но и многообещающие командирские данные. В 1949 году он оканчивает самое престижное в стране высшее

военно-учебное заведение – Академию имени Фрунзе. В то время там учились только те, кто составлял элиту нашей армии, её героическое прошлое и славное будущее.

Я видел их коллективные фотографии по случаю окончания академии – любо-дорого посмотреть! Бравые подтянутые офицеры с мужественными, прокалёнными лицами, с вереницей боевых орденов на груди, многие – с Золотыми Звёздами Героев Советского Союза, вызывали гордость за нашу армию, особенно в молодых сердцах. Армия в те годы пользовалась небывалой любовью, поскольку была воистину народной и, что очень важно, многонациональной. Представители всех национальностей и народностей огромной страны охотно становились в военный строй, и когда на брусчатку Красной площади выходила парадная «коробка» Академии имени Фрунзе, с праздничных трибун звучали овации, перекрывающие мощные звуки военного оркестра.

Дед и внук

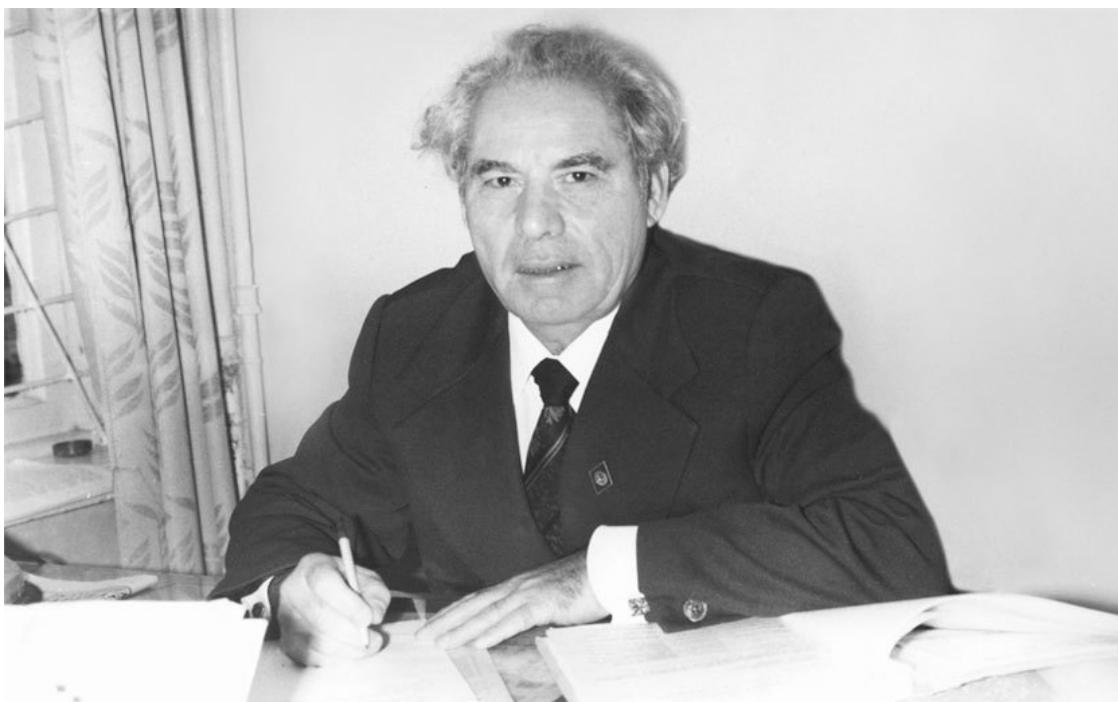
Юсуф Уджуху окончил академию в ту пору, когда началось послевоенное перевооружение армии. Страна сделала очень серьёзные выводы из опыта Великой Отечественной войны и с напряжением всех сил и возможностей строила армию, которая не только была способна отразить агрессию любого противника, но и всей своей оборонной сутью отрезвляла любых любителей размахивать термоядерной «дубиной». По большому счёту, мы и сегодня обязаны отдать должное людям тех времён, выстроившим надёжный щит над нашей страной. Полковник Юсуф Уджуху был в их числе.

Вскоре по окончании академии его назначают начальником военно-тактического цикла старейшего в стране училища войск связи в городе Горьком (ныне Нижний Новгород). Это был очень ответственный пост, ибо в те годы развитие системы оборонной связи и оперативного оповещения приобретало приоритетное значение. Эта система, кстати, чётко работала, когда в шестидесятые годы американцы настроились безнаказанно шарить в нашем небе. И шарили до поры до времени...

Рано утром 1 мая 1960 года их самолёт-разведчик в который раз самоуверенно пересёк южную границу СССР и со скоростью под тысячу километров в час стал продвигаться вглубь страны. Он должен был пролететь над важнейшими промышленными центрами СССР, прежде всего – над Уралом, затем – над Москвой, после чего уйти на север и через Ленинград вновь пересечь государственную границу, чтобы приземлиться в Норвегии. Американцы даже специальный супердальний самолёт сконструировали под эти цели и назвали его близким нам наименованием – «У-2».

Словно в издевательство! Одна из задач этого авиашпиона состояла в проверке системы стратегической связи. То есть они собирались узнать, с какой скоростью известие о факте нарушения советского воздушного пространства достигнет высшего уровня власти, и конкретно – главы государства Хрущёва.

О том, что подобный полёт состоится, в Москве знал только один человек – военновоздушный атташе США. Он заранее устроился на гостевой первомайской трибуне и стал внимательно наблюдать за правительством, которое во главе с Хрущёвым взошло на Мавзолей, чтобы приветствовать военный парад и праздничную демонстрацию. Атташе знал, когда самолёт пересечёт границу, и в ту минуту щёлкнул секундомером, отсчитывая время. Ему надо было понять, через какой срок глава советского государства поймёт, что граница нарушена. Расчёт оказался верным. По тревожному движению на трибуне атташе угадал, что Хрущёву доложили, что произошло нечто экстраординарное, но...

Юсуф Исмаилович Уджуху в рабочем кабинете в Сочи. 1965 г.

Вот это самое пресловутое «но» и стало, в конце концов, основной причиной крайнего удивления «московского шпиона». Первый раз он удивился, когда понял, что известие о прорыве «чужаком» наших воздушных рубежей достигло советского правительства буквально в считанные минуты. А дальше у американского разведчика появилось ещё больше причин для удивления. Исчезнувшие было с трибуны озабоченные маршалы вскоре вернулись с довольными и улыбающимися лицами. Приподнятое настроение охватило главу государства, и он ещё более радостно и энергично стал приветствовать колонны демонстрантов.

К вечеру вся страна узнала, что под Свердловском (ныне Екатеринбург) наши ПВО сбили американский самолёт-разведчик. Это был результат работы совершенной системы противовоздушной обороны, отслеживания врага, оперативного и своевременного оповещения наших вооружённых сил, над чем трудились многие специалисты, в том числе и полковник Уджуху.

Мурат всегда гордился дедом. Когда тот закончил военную службу (а с фронтовыми она у него зашкаливала под сорок лет), его пригласили на ответственную работу в Сочи, предложив возглавить дирекцию курортного бюро. Это был конец семидесятых годов, и город Сочи вышел на подлинно столичный уровень советских курортов, где в течение сезона отдыхали сотни тысяч людей со всех концов необъятной страны. В ту пору Сочи ещё не приобрёл ту сомнительную известность, которая предшествовала цепи лихоимств и в связи с этим – громких публичных скандалов на всю страну.

Тогда слово «коррупция» ещё мало кому было известно, и всё благодаря тому, что курортным делом занимались люди, не на словах, а на деле исповедовавшие принципы социальной справедливости и неукоснительной честности. Они понимали, что такое ударный труд, но и знали, что значит полноценный отдых. Надо ли говорить, что Юсуф Исмаилович Уджуху очень скоро стал тем руководителем, кого приводили в пример как человека, глубоко сознающего значение курортного города для рядовых тружеников. Он всегда подчёркивал:

– Каждый человек, уезжающий из Сочи, должен увезти домой ощущение праздника. А мы должны ему в этом способствовать...

Было просто удивительно, что он, профессиональный военный, привыкший сражаться или учить других, как правильно воевать, на новом для себя поприще проявил такие редкие качества как созидательность, сердечность и гостеприимство. Оказывается, в конце жизни в нём снова проснулся тот самый учитель, который, открывая мир своим воспитанникам, всегда учил их самому главному знанию – как во всех случаях оставаться человеком в лучшем понимании смысла этого слова.

– Мы, – говорил он своим сотрудникам, – должны быть на уровне той сказочности, которой одарила нас природа.

И был тысячу раз прав, когда утверждал, что человек в этих местах пока идёт лишь по краешку природных возможностей, только по берегу моря.

– Сколько ещё скрытых богатств у Сочи! – часто повторял он. – Поезжайте в ближайшие горы, в Красную Поляну, на озеро Рица. Дух захватывает!

Безусловно, он не думал ни о какой Олимпиаде, тем более зимней, но зато много сделал для формирования у своего родного внука ощущения безграничных возможностей прославленного курорта. И в этом было какое-то знамение! Через много лет после кончины деда Ахеджак был среди тех, кто горячо ратовал за сочинскую Олимпиаду, понимая, что этот побудительный импульс, как многоступенчатая ракета, выведет Сочи на совершенно новую орбиту, создаст ему воистину мировую славу.

Дед вообще оказал большое влияние на Мурата. Будучи школьником, Мурат бывал у него в гостях, часами просиживал в богатой библиотеке, которую Юсуф собирал всю жизнь, в тяжёлых чемоданах перетаскивая любимые книги к месту новой службы. Но самое главное – это вечерние беседы при свете настольной лампы, долгие рассказы деда о прожитой жизни, о боях и товарищах, о воинском долге и офицерской чести. Может быть, в ту пору родной дед – боевой полковник и зародил у Мурата мысль связать свою жизнь с армией. Он внимательно разглядывал дедовы фронтовые награды, особенно орден Красного Знамени. Во время войны его давали не часто, но всегда за дело. Помните, как в фильме «Горячий снег» генерал, командир дивизии, после страшного боя, в котором погибла большая часть противотанкового полка, вкладывая в обгорелые руки живых воинов блестящий орден, говорил:

– Всё, что могу... Всё, что могу...

Такой орден на груди ветерана означал, что в его жизни был бой, где он, солдат Отчизны, отдал за неё всё, что мог... Мурату хотелось повторить путь деда, и он делился с ним своими раздумьями. Но именно Юсуф Исмаилович зародил в нём первые сомнения.

– Знаешь, внук, – говорил он, – наш род так много воевал, что неплохо бы подумать о другом. О созидании, например, – он обводил рукой панораму сочинских склонов. – Вот взгляни, как много даже тут надо ещё строить... Ты подумай! – заключал свои размышления дед, в самом начале трудовой жизни выбравший всё-таки самую созидательную профессию – школьного учителя. Военным его сделала война...

Выбор пути

Так, в сущности, и произошло! Мурат оканчивал школу блестяще, и золотая медаль открывала ему путь в любые вузы страны, даже прославленные столичные – Бауманское техническое училище, например, или Московский государственный университет. Причём то, что медаль им честно заслужена, не вызывало ни у кого сомнения, несмотря на то, что оба родителя – педагоги той же школы. Надо подчеркнуть, что в ту пору все письменные работы претендентов на медали, в конечном итоге, проверялись в областном отделе народного образования, причём всегда под шифром. Никто не должен был знать, чья фамилия скрывается за той или иной пятёркой. Когда же раскрыли результат, то увидели, что выпускник псейтукской средней школы Мурат Ахеджак безоговорочно подтвердил все свои отличные оценки.

Безусловно, это была большая радость и причина родительской гордости. Казалось, Мурат выберет самый престижный вуз, и скорее всего, это будет в Москве, как вдруг он объявляет, что станет поступать в политехнический институт в Краснодаре, скорее всего, на инженерно-строительный факультет. Что и говорить, выбор был неожиданным, но Мурат дал понять, что ему не хочется уезжать далеко от родного дома, а что касается будущей профессии, то никакая другая не востребована так, как строитель. Более того, результат работы строителя всегда виден, и никакой другой не может с ним поспорить по степени реального улучшения жизни людей и решения главных житейских проблем.

– Мне кажется, мама, что я лучше всего там реализуюсь! – убеждал он Луизу. – Тем более я люблю ясные отношения в коллективе, а на стройке они более чем открыты. Растут этажи, и все видят, на что ты способен...

Потом выяснилось, что учились они в одно и то же время с будущим губернатором Александром Ткачёвым. Только тот – годом старше и на другом факультете – инженерно-механическом. Тогда они не встретились, зато в будущем шли рука об руку, в том числе и как воспитанники одной «альма-матер». Краснодарский политехнический имел серьёзную репутацию, особенно в области переработки сельхозпродукции. Начав свою историю ещё в 1918 году, в 20-е годы он получил довольно скучное название – «институт пищевой промышленности». Но уже тогда было ясно, что в Краснодаре, центре Всесоюзной житницы, создано крупнейшее учебное заведение, в задачу которого входит подготовка специалистов высшей квалификации для массового производства продуктов питания на новой индустриальной основе.

Второкурсник Мурат во время студенческой трудовой практики. 1981 г.

Второкурсник Мурат на студенческой трудовой практике. Лето 1981 г.

Прежде чем «вступать в ту воду», Мурат довольно дотошно взвешивал репутацию и возможности других кубанских вузов, особенно сельскохозяйственного, не только «куз-

ницы» кадров для аграрного производства, но и учебного заведения, выпускники которого нередко выдвигались на ведущие руководящие должности – секретарей крайкома партии, руководителей городов и районов края. К тому же авторитет этого вуза был освещён славой многих выдающихся учёных, прежде всего – академиков Василия Степановича Пустовойта и Павла Пантелеймоновича Лукьяненко, дважды Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской премии.

Что и говорить, многие ребята, особенно из сельских школ, стремились попасть именно в Кубанский сельскохозяйственный, один из крупнейших в стране, и не только в аграрной отрасли.

Мурат уважал мнение близких, а родителей – в первую очередь, и поэтому семейная дискуссия – куда поступать и кем, в конечном итоге, стать, проходила достаточно активно. Но, как бы сегодня сказали, неоднозначно. Правда, к этому времени бывший «пищевой» уже давно назывался Краснодарским политехническим и имел большой набор уникальных специальностей. К тому же за успехи был награждён орденом Трудового Красного Знамени, обладал солидной учебной и производственной базой. Когда разговор, в конце концов, сошёлся на политехническом, то возникла проблема: какую специальность выбрать.

– А почему бы не виноделие? – предложил кто-то из семьи. – Древнейшая профессия, для Кавказа – тем более...

Тут же вспомнили, что Российский комитет по виноградарству и виноделию (проще говоря, министерство) вообще-то находится в Краснодаре.

– Более того, – добавил Казбек Исмаилович, – в этом институте работал знаменитый учёный – профессор Мерджаниан, который произвёл переворот в производстве шампанского, за что получил Ленинскую премию, в то время высшую национальную награду...

– А что, – согласилась Луиза, – Абрау-Дюрсо – совсем неплохое место для работы, а уж тем более – для жизни.

– Всё правильно! – отвечал Мурат. – Но это обязательно привяжет меня к какому-то одному месту. Мне же хочется увидеть всё – побывать в Арктике, на Байконуре, в Москве, работать в самых недоступных местах, в тайге, например. Посмотреть на мир, и не просто увидеть, а попытаться сделать его лучше, удобнее, комфортнее, а это подвластно только строителю. Больше всего я не хочу привычности, однообразия, если хотите – скуки... А потом, мне нравится, когда не только ты, но все вокруг видят, как преобразается округа, где ты трудишься...

В хорошем смысле слова, Мурат был амбициозным человеком. Но, обладая ещё более сильными качествами врождённого коллективиста, он свои желания всегда подчинял «артельным» действиям, прежде всего, во имя улучшения качества жизни всех, всех без исключения. Ему не было хорошо, если кому-то рядом было плохо. Впоследствии он подчёркивал, что чтобы стать счастливым в полном понимании этого слова, надо стремиться, чтобы и рядом с тобой любой человек становился хотя бы благополучным...

Луиза вспоминала, что ещё будучи школьником, Мурат очень внимательно относился к бабушкиным подругам, особенно к соседке, пожилой и одинокой тётушке по имени Шилехан. Она часто приходила к ним зимними вечерами из своего одинокого дома. Муратик уважительно встречал её, усаживал за стол на самое удобное место, и его выразительный взгляд словно говорил Луизе:

– Мама, подай лучшее, что у нас есть...

– Я видела, – рассказывает Луиза, – ему истинное удовольствие доставлял тот факт, что наш дом – место тёплого, сердечного гостеприимства. Бедная Шилехан оттаивала от такого внимания, особенно исходящего от мальчика-подростка, у которых обычно в этом возрасте собственный мир застилает всё. Но так было...

Воспитание чувств

Надо особенно подчеркнуть, что Аллах не посмотрел на традиционную кавказскую горячность и наградил членов их рода характером, отличающимся редкой сердечностью, что передавалось из поколения в поколение.

– Быть добрым, когда вокруг царит мирное благополучие, не очень сложно, – говорит Луиза. – Намного сложнее проявить это качество, когда чёрные тучи всеобщей беды застилают небо. Тогда жизнь предлагает альтернативу – либо дистанцируешься от всего, что тебя окружает, прячешься в свою скорлупу и плывёшь по бурному морю невзгод в надежде выжить один, либо протягиваешь руку другому, кому ещё хуже. Если говорить откровенно, в нашей семье первый вариант никогда даже не обсуждался, – продолжает Луиза.

Это действительно так! Страшная первая половина двадцатого века на Кубани завершилась самым голодным годом – сорок седьмым. Луизе было тогда всего лишь восемь лет, и жила она у бабушки в ауле Габукай, но хорошо помнит, как неухоженные люди толпами бродили по полям в надежде отыскать хоть что-нибудь съестное. Но тщетно – ни до того, ни после того не случилось на благословенной земле такой испепеляющей засухи, что обрушилась на Кубань летом 1947 года. Только-только закончилась война, и, словно во испытание, новая беда – голод!

На фоне других их семья жила более-менее сносно. Отец-военнослужащий время от времени присылал продуктовые посылки, составленные из офицерского пайка, где (о радость!) встречались подчас редкие сладости, пряники, например. Да и тётя Цаца как сельская учительница получала немного продуктов от отдела народного образования. Уже можно было как-то сводить концы с концами. Но рядом многие люди жили на грани голодных обмороков, и маленькой Луизе это не давало покоя. Особенно тяжело было многодетной семье тёти Нысэдах. У неё было девять детей, муж не вернулся с войны. Видя такое, Луиза потихоньку от бабушки запускала ручонку в посылочку и с пряниками за пазухой бежала в соседний дом.

– Там меня угощали жидким бесцветным супом, единственным съестным, что было в той семье, – вспоминает Луиза Юсуфовна. – Раскалённым на огне, без запаха и с горьковатым вкусом...

Естественно, от бабушкиного внимания трудно было утаить, что «волшебный» ящик пустеет довольно активно. Гошехурай заглядывала в него и, усмехнувшись, говорила, что сладости почему-то кончаются быстрее, чем она ожидала.

Мурат на военных студенческих сборах в Молъкино. 1984 г.

– Нан, так я же их ем! – пряча глаза, оправдывалась внучка.

– Я не в укор тебе! – говорила проницательная и мудрая Гошехурай. – Ты всё правильно делаешь, моя девочка... Вон там у порога стоит мешок – я насыпала в него кукурузы, отнеси туда же, куда ты таскаешь пряники...

Когда люди тех поколений памятью погружаются в своё военное или послевоенное детство, они часто вспоминают именно факты взаимопомощи, систему всеобщей доброты, стремление отблагодарить за любое проявление человеческого участия. Это скрепляло страну в самые тяжёлые годы. Так и Луиза, вспоминая самое трудное, по сию пору обостряет внимание на радостях искреннего человеческого участия в самые сложные периоды своей жизни.

«Случилось так, – говорит она, – что однажды глубокой ночью возле калитки соседей остановились три больших машины. Водители сказали, что заблудились и не знают, куда ехать и что делать. Ночь тёмная, время позднее, и соседка, та самая многодетная тётя Нысэдах, пригласила людей в дом, быстренько сварила для них из кукурузной сечки супчик, которым должна была кормить весь следующий день детей, постелила за печкой на полу старые фуфайки.

Следуя адыгейским обычаям гостеприимства, она сделала всё верно – угостила людей и уложила их спать. Утром, как обычно, аульские дети, в том числе и я, сбегались, с живым любопытством разглядывая водителей и машины. Оказалось, те везли одежду, собранную населением для детских домов. И вдруг один из шофёров, пожилой мужчина с мрачным заросшим лицом, подошёл ко мне, поднял на руки и говорит:

– А ну-ка, полезай в кузов, подбери себе и всем остальным, что понравится...

В один миг я оказалась наверху и стала выбирать друзьям по одной вещи, почему-то перечисляя по именам:

– Мариет, это тебе! Асланчик, это тебе! Это Нине, Саре, Махмуду...

Закончив выбор, я вылезла из-под брезента и стала ждать, когда меня спустят на землю. Но не тут-то было! Водитель строго спросил:

– Почему ты себе ничего не взяла?

Я отвечаю:

– У меня всё есть, мне ничего не надо! – хотя каждая из вещей привлекала меня и пришлось бы по душе.

Он, видимо, всё понял и, поднявшись в кузов, молча стал развязывать другой мешок, порылся в нём и достал зелёный плащик и беленький беретик с оригинальным хвостиком на макушке, и с улыбкой, сильно изменившей его лицо, вручил мне этот подарок. Радости моей не было предела, эти вещи мне так понравились, особенно плащ. Мы ещё долго потом бежали за уходящими машинами, махали руками, счастливые и радостные...

Но, к сожалению, надеть обновку сразу не было никакой возможности. Стояли знойные дни, воздух был сухим и пыльным. Если какие-то темноватые тучки задерживались над селом, я быстренько надевала свой драгоценный плащ и выбегала на улицу, замирая в ожидании. В один из таких моментов меня подозвала соседка, тётушка Натуг, и говорит:

– Луизочка, детка, прошу тебя, не надевай свой плащ, пока не пойдёт настоящий дождь. Я думаю, это будет скоро...

И как в воду глядела! Вскоре с неба хлынул обильный грозовой поток, я тут же натянула свою ненаглядную обновку и, широко раскинув руки, с радостным криком побежала навстречу тёплому и столь долгожданному дождю, с громом и даже молнией... Весь день мы с подругами ликовали, шлёпали по лужам, по очереди переодеваясь в мой зелёный плащ. Была такая радость, что светлая память о ней осталась на всю жизнь...»

Рассказ мамы об этом случае Мурат мог слушать множество раз, отлично понимая причины радости тогдашней ребятни по поводу маленьких, но таких желанных счастливых мгновений. Ведь с самых малых лет ему нравилось, когда люди улыбаются друг другу...

Когда семья выросла количественно и у Мурата появились сёстры, он стал чувствовать себя не только старшим по возрасту, но и ответственным за успехи в школе всех Ахеджаков, в том числе и за наличие оптимизма, хорошего настроения, справедливо считая, что заряженность любого человека позитивностью в большой степени зависит от общей доброжелательности, и прежде всего, конечно, в семье.

Луиза рассказывает, что перед началом учебного года ей приходилось ездить в Краснодар, чтобы приобрести для детей одежду, обувь, другие необходимые вещи. Дело это было довольно хлопотное. Времена были не те, что сейчас, когда главная трудность заключается в том, чтобы правильно сориентироваться в товарном многообразии. В ту пору важно было найти нужное, а в обстановке всеобщего дефицита это было совсем не просто. Дети за лето вытягивались, вырастали из привычных размеров, и проблема их экипировки была достаточно непростой.

В семейном кругу на Дне рождения мамы

Луиза готовилась к этому загодя, заранее предвидя трудности пешего путешествия по краснодарским магазинам. Когда Мурат подрос, она стала брать его с собой в качестве советчика, ну и, конечно, носильщика. Он вырос в крепкого и сильного парня, и к тому же хорошо разбиравшегося в хитросплетениях тогдашнего товарного дефицита. Безропотно таскал за мамой тяжеленную сумку, без всяких жалоб перенося испепеляющую кубанскую августовскую жару. Да и задача была не для слабых. Иногда они присаживались на парковую скамейку, чтобы передохнуть, попробовать мороженое, выпить водички, съесть захваченный из дома чебурек. Мурату явно нравилась городская суматошная жизнь, да и Краснодар, потонувший в тенистой густой зелени, тоже.

Пройдёт чуть больше десяти лет, и во многом его жизнь будет связана с этим дорогим его сердцу городом – он станет управленцем высокого уровня, вице-губернатором, одним из тех, кто определяет уровень жизни крупнейшего региона страны. Но даже проезжая по краснодарским улицам уже в служебном автомобиле, он часто говорил попутчикам:

– Вон в том тенистом уголке мы с мамой ели замечательный кубанский пломбир. Так хотелось привезти его домой, да вот ни разу не получалось – по дороге быстро таял...

Мурат никогда не дистанцировался от тех лет, когда был простым и мало кому известным парнем из небольшого адыгейского аула, и чувство сопричастности к среде, которая вырастила и воспитала его, впоследствии часто определяло его управленческие решения.

Луизу некоторые факты даже озадачивали, особенно когда после окончания школы они приехали в краевой центр, чтобы приобрести экипировку для студенческой жизни сына. А купить надо было немало – и пальто, и спортивный костюм, и обувь, и другие необходимые мелочи – рубашки, майки... И всё, чтобы было не хуже, чем у других! «Сын вырос вон в какого красавца, – думала мать. – Разве можно, чтобы он выглядел беднее остальных!» Конечно, с деньгами были трудности, но что-то скопили для такого случая...

Мурат безропотно тащил на плече большущую спортивную сумку, но почти у каждого прилавка начинался тихий спор...

– Мам! – шептал он прямо в ухо. – Всё! Мне больше ничего не надо... Давай лучше бабушке что-нибудь подберём. Вон посмотри, какой симпатичный свитер. Тёплый, из чистой шерсти. Да и платок, вон тот, очень ей подойдёт... Правда?..

– Всё, уговорил! – вспоминает Луиза. – Купили кофту, купили платок бабушке... Потом что-то мне, сёстрам... Мурат, несмотря на тяжесть поклажи, был счастлив...

Он вообще был из тех людей, которые больше радуются не когда получают подарки, а когда дарят их. Это у них наследственное. В ту поездку на улице Красной оказалось немало нищих. Я знаю, у многих они вызывают не самые лучшие чувства. «Какие такие беды выгоняют людей на улицу с протянутой рукой? Иди работай, и всё необходимое у тебя будет...» – рассуждаем не без резона.

У многих, но только не Луизы! Она даже откладывала немного денег, чтобы раздать их нищим, более того, и алкоголикам, от которых за версту несло вечным несчастьем. Когда однажды она попросила сына разменять двадцатипятирублёвую купюру, чтобы подать милостыню очередному бродяге, Мурат молча выполнил её просьбу и, положив в картуз нищего пятирублевую бумажку, тихо сказал, склонившись к материнскому плечу:

– Мам, как же хорошо ты сделала... Спасибо тебе за этот пример!

Он понимал, а с возрастом – тем более, что разные пути приводят человека в состояние бомжевания, иногда и не совсем праведные, и тем не менее, нищим подавал всегда. Так уж была устроена его внутренняя душевная организация – близко к сердцу принимать судьбы немощных и обездоленных людей. Может быть, даже слишком близко для человека его служебного уровня.

Луиза рассказывала, что когда однажды она увидела по телевидению ужасающие кадры в станице Камышеватской, где в ночном пламени, мгновенно охватившем ветхое зда-

ние стариковского приюта, погибли десятки немощных постояльцев, у неё буквально оборвалось сердце, и не только от пожара. Дело в том, что в одном из угарных эпизодов она увидела сына, худого, почерневшего, совсем не похожего на того Мурата, который ослепительной улыбкой заставлял оттаивать любую душу. Луиза схватилась за сердце – сын только только вернулся с очередной тяжёлой операции и вместо того, чтобы лежать под капельницей, стоит вот тут, посреди подавленной горем толпы, ещё более истощённый, заросший, с ввалившимися щеками, с тоской и видимой болью в глазах, размахивая руками, что-то говорит, говорит...

Через три дня он появился дома, измученный и до предела уставший:

– Ты даже не представляешь, мама, что мне пришлось пережить! Пожар – это, конечно, страшно! Но ещё страшнее другое – ведь некоторых из этих обездоленных стариков родственники не навещали десятки лет, а прослышав о материальной помощи, что положена в таких случаях, тут же слетелись, как вороньё... Понятно, что лично им помогать никто не собирается, что сразу внятно объяснили. И что ты думаешь? Они тут же развернулись и демонстративно уехали, не дождавшись даже похорон... Боже мой! Что творится в этом мире... Почему алчность разъедает душу, как саркома... Разве можно жить с таким грузом?... У них же дети, даже внуки. Они смотрят и выводы делают...

Мурат в тот вечер долго молча сидел, погрузившись в полутьму от напольного торшера. Сидел и думал. О чём? О личных своих невзгодах, обрушившихся вдруг неожиданно-негаданно совсем не из ожидаемого угла? Только он один знал, чего стоило ему, ещё недавно крепкому и сильному, не знающему даже лёгкой простуды, противостоять страшной болезни...

Нет, он почти никогда не обсуждал свою личную драму, будучи уверенным, что обязательно выкарабкается из самых сложных положений. Так и было бы! Но судьба его, пришедшаяся на время, когда многие стали терять основополагающие скрепы духовной наполненности, оказалась значительно труднее, чем ожидал Мурат, воспитанный совсем в иной среде. Но несмотря ни на что, он никогда не уходил в сторону от этих и любых других сложностей, всегда следуя основному, сделанному однажды и навсегда выбору – служить людям. Служить, несмотря ни на что...

Долина черноклёна

Хотим мы этого или нет, но в кавказских семьях свято почитается род, то есть та историческая линия, что тесно повязана узами кровного родства и проходит через толщу многих и многих лет. Очень ценятся фамилии, где сохранены не просто воспоминания о прошлом, а традиции глубокого почитания предков, светлые образы которых часто освещают путь потомкам в будущую жизнь.

Род Ахеджаков – из таких... Мурат ещё в школе пытался вычертить своё генеалогическое древо, но, как ни странно, более предметно и полно это сделал его сын. Странно потому, что, ещё обучаясь в 9-м классе, Казбек увлёкся историей своего рода и проследил летопись семьи от самого истока, от человека по имени Четмыш.

Можно только удивляться тому, как юный школьник по всем правилам взыскательного исследователя пытливо прошёл сквозь годы и события, ни разу не потеряв серебряную родословную нить, подчас натянутую до предела, а иногда – прерывистую от батальных потрясений, которые начинались в далёкие времена, когда Кавказ привлёк внимание империи и звон мечей с обеих сторон достиг раскатов испепеляющего орудийного грома.

«...Существуют две версии того, как Четмыш оказался в ауле Псейтук, – пишет Казбек в школьном сочинении под названием „Я – сын адыгейского народа. (Из истории семьи Ахеджак)“. – По одной из версий, его родители рано умерли, и он попал в семью князя по фамилии Ахеджак из аула Шабонохабль. Князю понравился маленький мальчик, которого привели добрые люди, понравился внешностью и опрятностью. Тогда он решил оставить Четмыша у себя и воспитать его. У самого князя было двое сыновей. Старший отличался великодушием и добротой, чего нельзя было сказать о младшем, который проявлял себя как тщеславный и жестокий. Четмыш же рос трудолюбивым человеком. Он даже работал вместе с крепостными своего отца. И вот однажды Четмыш трудился в поле. В полдень, когда светило солнце, он присел на траву, чтобы немного отдохнуть. Его примеру последовали и крепостные. В это время младший сын князя верхом на коне решил объехать владения отца, чтобы проверить, как работают слуги.

Один из крепостных заметил приближающегося княжеского сына и предупредил всех остальных, но они были так измождены, что не торопились вставать. Когда же злой наездник, подъехав, обнаружил крепостных сидящими на траве, он стал жестоко избивать их плетью. Увидев это, Четмыш подбежал и скинул его с коня, дав тем самым понять, что тот не смеет так жестоко обращаться с людьми, даже с крепостными. После произошедшего Четмыш вместе со своей семьёй ушёл из аула...

Младший брат дедушки Мурата Хаджемус Ахеджак в окружении родных

По второй версии, история нашей семьи, – пишет далее Казбек, – началась во время Кавказской войны, которая шла на нашей земле. Царские войска, переправлявшиеся через реки, поджигали аулы и убивали их жителей. Цель правительства состояла в переселении адыгейского народа на равнинную часть Кавказа. Поэтому горцы вынуждены были постоянно переселяться с одного места на другое. Именно таким образом Четмыш со своей семьёй, кочуя в поисках места жительства, набрёл однажды на аул Псейтук. К этому времени у него было двое сыновей и дочь. В ауле тогда проживало мало людей – всего три семьи. Это семьи Усий Чешико, Дзетль Амзана и Чунтыз Сейха. По их разрешению Ахеджак Четмыш остался в ауле Псейтук, и как оказалось – навсегда.

В том месте на берегу реки Кубани росли черноклёны, по-адыгейски – „псей“, которые аульчане позже вырубili. Отсюда и произошло название аула Псейтук – Долина черноклёна. Основным богатством аула являлись леса. В них росли такие породы деревьев как ясень, клён, дуб, из плодовых – кизил, различные сорта груши, кислица, боярышник, алыча, тёрн. В лесах плодоносил дикий виноград, водились олени, дикие козы, кабаны, туры, волки, куницы, медведи, барсуки. Особое внимание аульчане уделяли животноводству: разведению породистых коней, крупного высокопродуктивного рогатого скота, овец, коз. Многие имели богатые пасеки.

Мужчины обрабатывали кожу, изготавливали упряжь, сёдла. Из лозы плели корзинки, плетни. Женщины пекли хлеб, готовили пищу, варили сыры, шили одежду и обувь. Из шерсти изготавливались бурки, перчатки, носки. Было развито ткачество и земледелие. Так был устроен быт моего прапрадедушки Четмыш и его семьи, – пишет Казбек, сын Мурата и внук Казбека. И продолжает: – Существует также мнение о том, что фамилия Четмыш не была дана ему князем, а являлась его настоящей, полученной при рождении.

Эти события относятся к шестидесятым годам позапрошлого столетия. Род Ахеджаков – древний, известен с середины XIX века. По версии моей тёти Дарихан Кадырбечевны Женетль, „в архивах сохранились документы, из которых известна история княжеского рода Ахеджаков. Четмыш Ахеджак (один из трёх сыновей Пшекуя Ахеджака, жившего в местах близ Майкопа, где сегодня стоит село Великовечное) с разрешения ста-

рейшин переселился в аул Псейтук, здесь ему выделили землю. Было это после окончания Кавказской войны, в 60-х годах XIX века. Получается, что мы, Ахеджаки, продолжаем род Четмыша через его сыновей и внуков – Балкыша, Исмаила (деда Мурата Казбековича) и Махмуда (моего деда)“. К сожалению, этих архивных документов я не смог найти.

Так кем же были потомки Четмыша? Семья у него была большая: четверо сыновей – Балкыш Хадж, Зэчерий, Туниц, Хасан, и две дочери – Поляку и Хаджет.

Сыновья Балкыш Хаджа: Салих, Исмаил, Махмуд, Дамир, Хаджемус, Халид. Дочери: Чебахан, Хаджфатим, Лацин, Нагу и ещё одна дочь, имя которой неизвестно.

Дети Салиха: Сафер, Меджид, Ханифа, Шарифа. У Сафера было два сына: Руслан и Байзет. У Меджида – дочь Лия Ахеджакова, народная артистка России. Меджид Ахеджак внёс большой вклад в развитие культуры Адыгеи, много лет работал режиссёром и руководителем театра в Майкопе. Ханифа родила дочь Асиат. А у Шарифы было три сына и две дочери.

У Махмуда было семеро детей: Кадырбеч, Дысехан, Мыуминат, Исхак, Мухарбий, Рамазан, Кирмиз.

Дети Дамира: Чусар, Чемаль, Кадырхан, Асфар, Хусейн.

У Хаджемуса было двое детей: Жора и Борис.

Хаджфатим родила двух сыновей – Бечмиза и Мезбеча, и дочь Нуру.

У Лацин две дочери: Люба и Катя.

У Нагу пятеро детей: Масхуд, Рабихат, Тагир, Аминат, Сикук.

У Чебахан и Халида детей не было.

У Исмаила (сына Балкыш Хаджа) было девять детей: Джантыг, Ибрагим, Хазрет, Аминат, Тайбат, Мариет, Казбек, Ащырхан и Гисс. У каждого из них большие семьи, с которыми мы часто встречаемся. Мой дедушка – Казбек, он родился в 1937 году.

Мой прадедушка – Исмаил Балкышевич Ахеджак (1892-1951 гг.) – родился и проживал в ауле Псейтук. Он получил профессию ветеринара, но работал почтальоном. Его помнят аульчане как доброго, отзывчивого человека, который никогда не отказывал в помощи людям. В 1925 году он женился на прекрасной, статной, гордой девушке Мелеч Салиховне Пченушай (1910-1979 гг.). В браке у них родилось девять детей. Мой прадедушка имел пасеку. Моя прабабушка прекрасно разбиралась в целебных свойствах окружающих растений и применяла эти знания для лечения своих детей, жителей своего и близлежащих аулов и хуторов. Она также умела искусно шить. К ней выстраивались большие очереди на пошив одежды. По рассказам моего дедушки Казбека, очень вкусно готовила. И отличалась редкой чистоплотностью.

Рано ушёл из жизни прадедушка Исмаил, и вся забота о большой семье легла на плечи прабабушки Мелеч. Старшие дети помогали в воспитании младших братьев и сестёр. Мой дедушка, оставшийся без отца в четыре года, окончил начальную школу в ауле Псейтук, затем среднюю школу в ауле Афипсин, где о нём заботилась его тётя Чебахан. Он первый в семье получил высшее образование, окончил физико-математический факультет Адыгейского педагогического института. В последующем помог своим младшим братьям и сёстрам получить образование. Младшая сестра моего дедушки Аширхан – заслуженный учитель Российской Федерации, сейчас находится на пенсии и продолжает работать учителем химии в ауле Новая Адыгея. Это была и есть (в настоящее время осталось в живых три сестры и два брата) большая и дружная семья. До последних дней своей жизни моя прабабушка Мелеч была окружена любовью своих детей и внуков. Мой папа и мои тёти с большим теплом вспоминают о ней...»

Сын Мурата Казбек Ахеджак на вручении диплома II степени в МГУ. Москва, 2009 г.

Повторюсь, трудно представить, но серьёзную исследовательскую работу на тему «Судьба страны – в судьбе семьи», насыщенную именами и судьбами предков, мальчик писал в четырнадцать лет. Она была представлена на краевой конкурс, где предлагалось на основе семейных воспоминаний и реликвий, а также архивных документов, проследить историю конкретной семьи в тесном контексте с историей страны. Тут и освоение Кубани, и человеческие судьбы на фоне социальных потрясений и войн, ни одна из которых, к сожалению, не обошла благословенную землю, а затем неустанный труд по восстановлению народного хозяйства, налаживанию мирной жизни во благо Кубани и России, радости и горести, скреплявшие семейные союзы, а через них – и огромную страну в целом.

За своё исследование девятиклассник краснодарской гимназии № 18 Казбек Ахеджак решением авторитетного жюри, состоявшего из лучших педагогов и учёных края, был удостоен диплома II степени.

Но не это важно, хотя и приятно для всей большой семьи Ахеджаков, что именно сын Мурата, который и сам не раз порывался написать нечто подобное, да всё времени не хватало, решился на такое дело. Для Мурата важно было, что именно его сын собрал под одну родовую крышу имена и судьбы предков, восстановил хронологию поколений, с трогательной почтенностью вспомнил родных и близких, давно ушедших из этого мира, но по-прежнему живых в памяти новых поколений, к которым и он имеет честь принадлежать.

«Изучая свою родословную, – пишет мальчик, – я не нашёл ни одного факта, которого можно было бы стыдиться. Наша малая родина дала большой стране много замечательных людей: деятелей искусства и литературы, учёных, журналистов, инженеров, спортсменов. И всех их родная земля наделила главным – стойкостью, трудолюбием, верой в свои силы, любовью ко всем родственникам, живым и ушедшим».

Эти строки мальчик написал в не лучшие времена.

«На долю нашей семьи, – делится он своими переживаниями, – выпали серьёзные испытания: папа тяжело заболел, врачи боролись за его жизнь. Мы его поддерживали, как могли, но вряд ли что-то получилось бы, если бы не его мужество и стойкость духа. Болезнь отступила, и он вновь в строю...»

Мурат успел прочесть сочинение своего сына, опубликованное в сборнике лучших работ школьников Краснодарского края, победителей краевого конкурса. Стоит ли говорить, что он любил своих детей бесконечно, а теперь у него появилась возможность гордиться ими...

Казбек, дед Казбека

Первым ребёнком в семье Мурата была дочь Луиза, вторым – сын Казбек. Сына своего Мурат назвал в честь своего отца. Ну что же, так часто бывает – хочется сделать дедушке приятное, тем более – внук, мальчик, будущий мужчина. У кавказцев это особенно ценится – джигит! Но сказать, что в этом была главная побудительная причина дать сыну имя деда, по-моему, нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.